Военные Приключения

ЖАРКИЕ ГОРЫ

АЛЕКСАНДР ЩЕЛОКОВ

Александр Александрович Щелоков

Жаркие горы

Серия «Военные приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66390712
Жаркие горы: Издательство «Вече»; Москва; 2021
ISBN 978-5-4484-8725-5

Аннотация

Среди горных кряжей Афганистана лежит городок Дарбар, окруженный душманами. Операция по его захвату запланирована зарубежными спецслужбами. Батальон советских мотострелков направляется к Дарбару, несмотря на яростное сопротивление бандитских формирований и их кураторов.

Роман признанного мастера отечественной военно-приключенческой и остросюжетной литературы.

Содержание

Александр Щелоков 4
Клоповник 5
Ночная сказка 36
Гнездо орлов 42
Шайтан огня 71
Майор Бурлак 100
Конец ознакомительного фрагмента. 112

Александр Щелоков
Жаркие горы

© Щелоков А.А., наследники, 2021
© ООО «Издательство «Вече», 2021
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

* * *

Клоповник

Пакистан. Урочище Лэввканда.
Военный лагерь специального назначения

В тамбуре штабного домика раздалось металлическое лязганье. Сработал привод электромагнитного замка. Обычно полковник Каррингтон сам открывал дверь тем, кто посещал его. Для этого не требовалось вставать – достаточно протянуть руку, нажать кнопку, и привод сработает.

Чтобы открыть дверь с улицы, следовало на пульте у входа набрать цифры кода. В целях безопасности их регулярно меняли. Любая ошибка в наборе вызывала сигнал тревоги. Если он не прозвучал, значит, вошел свой.

Тем не менее Каррингтон захлопнул лежавшую перед ним папку с документами и приоткрыл ящик стола, в котором хранил пистолет. Сделал это не из-за боязни, а в силу многолетней привычки. Общаясь с публикой, с которой его сводила служба, приходилось всегда соблюдать осторожность.

В кабинет вошел шифровальщик базы уоррент-офицер Клей с синей пластиковой папкой в руке.

– Телеграмма, сэр, – доложил он и лихо щелкнул каблуками. – Срочная. Открытым каналом.

Каррингтон задвинул ящик, взял в руки папку. Вынул форменный бланк телеграммы. Стал читать.

«Срочная первой очереди. Доктору Каррингтону.

Дела по управлению фермой передайте доктору Фреду Томпсону. Без задержки возвращайтесь в университет. Получение телеграммы подтвердите.

Р. Браун».

Еще раз пробежав глазами текст, Каррингтон закрыл корочки папки. Поднял голову на шифровальщика.

– Чего это им пришла блажь посылать предписание открытым каналом?

– Так быстрее, сэр, – доложил уоррент-офицер без особых эмоций. – Закрытые каналы забиты шифрованной чепухой.

– Брауну явно не хватило юмора, – заметил Каррингтон, – иначе бы он подписался «профессор». Я думаю, Гарри, генерал-майор может позволить себе такое?

– Не знаю, сэр, что может позволить себе генерал-майор Браун. Ежедневно я читаю все телеграммы, но в мои обязанности не входит выяснять, что в них так, что не так.

– Ценю твою сдержанность, Гарри. Если получу назначение на банановую ферму поближе к дому, вызову тебя. Поедешь?

– Благодарю вас, сэр.

– Вот и отлично, Гарри. А теперь скажи, когда ждать гостя?

– Доктор Томпсон прибывает сегодня в девять по местному. Из Пешавара его довезут до контрольного поста на машине Центра.

– Я встречу полковника Томпсона, – сказал Каррингтон. – Или доктора, как нам сообщили.

Час спустя он уже ехал к назначенному месту. Автомобильная магистраль, построенная со всей капитальностью, прорезая каменистые кряжи, минуя степные пространства, по которым ветер гонял кусты колючек, шла на восток от афганской границы.

Солнце палило. Встречный ветер обдавал жаром кузницы. Губы мигом пересыхали и трескались.

Водитель, словно стараясь укоротить время пытки, гнал машину на бешеной скорости. Тяжелый лендровер летел вперед так, будто пытался оторваться от собственной тени.

Будь пассажир понаивней, он наверняка бы задумался: кому и зачем в столь глухих местах понадобилось сооружать такую классную дорогу? Но Каррингтон был человеком искушенным. Он знал: в этом краю все подчинено богу войны. А поскольку сам Каррингтон уже двадцать лет служил этому идолу, он ясно представлял, что на такое дело обычно не жалеют ни денег, ни материалов.

На встречу с Фредом Томпсоном Каррингтон ехал с радостным чувством. Наконец он оставит этот унылый, опостылевший нищетой и нудностью край, отрезанный от дома временем и расстоянием. Было приятно снова встретить однокашника, с которым они бок о бок занимались шагистикой в военной академии и в один день получили офицерские погоны.

Когда лендровер Каррингтона подкатил к контрольному посту, перекрывавшему шоссе шлагбаумом, возле будки охраны уже стоял черный потасканный лимузин. Рядом прохаживался Томпсон. Каррингтон сразу узнал его.

Время, в течение которого они не встречались, мало изменило Фреда. Перед Каррингтоном стоял мужчина лет сорока, высокий, поджарый, но с крепкой, широкой костью. Вытянутое, с резкими, грубоватыми чертами лицо, отливающие медью волосы, постриженные коротким ежиком; глубоко посаженные стальные глаза, брови вразлет, приплюснутые уши профессионала борца придавали ему вид энергичный и мужественный. В уголках губ залегли глубокие прямые складки, подчеркивавшие отчужденность и жестокость характера.

– Салют, Фред!

Каррингтон едва не ляпнул вертевшееся на языке слово «фрод» – мошенник. Так однокашники, выпускники Вест-Пойнта, в своем кругу за глаза звали Томпсона, тем самым отдавая дань его деловым качествам.

– Салют, Фред! С благополучным прибытием! Не печалься, если наши места тебе не показались. Поживешь и поймешь – здесь райский уголок.

– Салют, Бен! – Широко улыбаясь, Фред протянул лапищу и тряхнул руку приятеля. – Ты все шутишь. Или это от радости, что уезжаешь?

– Рад тебя видеть, старый дьявол! – не отвечая на вопрос, сказал Каррингтон и похлопал Томпсона по широкой кости-

стой спине. – Подожди минуту. Ахмед перегрузит твои вещи в мой танк, и мы отпустим твою колымагу.

– Стоит ли возиться? Давай я сяду к тебе, а чемоданы сгрузим уже на месте.

– Извини, старина, предложение не проходит. В рай, как известно, есть только вход. Лишь ангелы имеют право передвигаться туда и обратно. Твой водитель, судя по его физиономии, не ангел, а обычный фрод.

Произнеся это, Каррингтон ощутил облегчение. Он все же вставил в разговор слово, которое с утра вертелось на языке.

– Мошенник не мошенник – откуда мне знать? – сказал Фред мрачно. – Такого дали в Центре. Там-то, надеюсь, люди проверенные?

– Не знаю, сэр! – шутовски ответил Каррингтон. Он был возбужден, радостен и не скрывал своего состояния. Два года торчания в подлой дыре для него благополучно кончались. – В Центре могут быть всякие. А вот в раю работают только люди серьезные. Я имею в виду, сэр, что они работают под вашим руководством.

Фред засмеялся.

– Узнаю твои шутки, Бен. И чем ты веселее, тем у меня больше желания посмотреть на то, как ты тут тратишь денежки американских налогоплательщиков.

– Сэр, – сразу став серьезным, ответил Каррингтон, – я не трачу здесь денег. Я вкладываю их в полезное дело. Значит, сберегаю.

Он повернулся к шоферу:

– Ахмед! Перекинь «золотой запас» полковника Томпсона в наш танк.

– Старина, – сказал Фред, – ты ведь не случайно второй раз называешь свой драндулет танком. С чего бы это?

– Чтобы ты сразу вник в традиции райского уголка. Генерал Зия Нур до моего приезда сюда проводил по всем отчетам эту машину как танк. А танк кому-то продал.

– Всего один танк? – спросил Томпсон скептически. – Это немного. Я сталкивался, когда их продавали десятками.

По дороге в лагерь они не говорили о службе. Полчаса езды – время небольшое, и промолчать его для людей, которые привыкли вести откровенные беседы только с глазу на глаз, трудности не составляло.

Лагерь специального назначения располагался в долине, окруженной облезлыми каменистыми взгорьями. Со всех сторон его обтягивала густая паутина колючей проволоки. Торчали мрачные вышки, на которых были установлены прожекторы и пулеметы. Белели щиты с предупредительными надписями на арабском.

У въездных ворот стояли охранники в шлемах военной полиции. Когда подъехала машина, они подчеркнуто засуетились, забегали. Открыв ворота, замерли в почтительном окостенении.

Лендровер, пропылив по накатанной колее к штабному домику, остановился.

Томпсон по-юношески легко выскочил из машины. Размял плечи. Огляделся. Сразу заметил чистоту территории. Это было хорошим признаком. Значит, Каррингтон поддерживал здесь строгую дисциплину, и сразу браться за рутинные мелочи порядка ему не придется.

Возле домика виднелись вкопанные в землю железные бочки с позеленелой водой – на случай пожара. За линией бараков в мареве зноя зыбко колыхались очертания дальних гор. С севера за колючей проволокой простиралась бесплодная степь. Она уходила к горизонту, где без всякой видимой черты сливалась с серым небом. На западе, среди скал, просматривалось здание радиолокационной станции. Антенны радара лениво колыхались, вслушиваясь в шумы безбрежного неба.

– Унылый вид, не так ли? – спросил Каррингтон, проследив за движением глаз Томпсона.

– Я привык к подобным местам, – ответил тот и провел рукой по ежику медных волос. – Главное везде сходится – эта колючая проволока, бараки, радары. А сельва, джунгли или пустыня вокруг тебя – это второстепенное.

Каррингтон взглянул на Томпсона, пытаясь понять, не прикрывает ли тот растерянность показным оптимизмом. Но удивился, заметив оживленные, посветлевшие глаза Фреда. Старому боевому скакуну новое седло явно доставляло удовольствие. Или он делал какую-то ставку в своей карьере на эти края?

– Молодец, старина, – похвалил Каррингтон однокашника. – По виду ты не обескуражен. Настоящий милитарист.

– Осторожней, Бен! – сказал Томпсон. – Как бы я тебя после таких слов не зачислил в красные.

– Бог ты мой, какой ужас! – притворно охнул Каррингтон. – Объясни почему.

– Есть анекдот. По гарнизону идет дивизионный генерал. Солдаты глядят ему вослед. Один говорит: «Вот сволочь, придира. Милитарист проклятый!» А тут проходит сержант: «О чем речь, парни?» – «Мы, сэр, спорим: как лучше отличить красного?» – «Очень просто, ребята. Вон кто там пошел?» – «Командир дивизии». – «Верно. Но это для вас, честных парней. А для каждого красного он сволочь и проклятый милитарист».

Каррингтон вежливо посмеялся. Анекдот, прибывший транзитом из Штатов, имел по меньшей мере двадцать лет армейской выслуги. Но не посмеяться было бы невежливо.

Они прошли к коттеджу.

Каррингтон набрал код, открыл дверь и пропустил гостя вперед. Потом осторожно, стараясь не хлопать, повернул ручку дверного замка.

После улицы в помещении казалось студено, как в подвале бомбоубежища. Тихо шипел японский кондиционер. Сквозь прикрытые жалюзи в комнату сочилось солнце. Светлыми полосами оно причудливо расчерчивало большой красный ковер, покрывавший пол.

– Прошу, – сказал Каррингтон и радушным жестом обозначил Фреду дорогу. – Надеюсь, здесь не так жарко. Это теперь твой офис. Если, конечно, ты его не перенесешь. Располагайся. Удобства стандартные. Можешь воспользоваться.

– Не премину, – сказал Фред и скрылся за небольшой дверью.

Через несколько минут он вышел оттуда освеженный, сияющий. Пройдя к столу, на котором уже стояли бутылки и фрукты, он с размаху рухнул в глубокое мягкое кресло. Положил свободно руки на подлокотники, откинул голову на спинку.

Каррингтон налил стакан минеральной воды и пододвинул его гостю.

– Прошу. Остальное по твоему усмотрению. А пока поясни мне, что за цирк у нас в Белом доме. Сидя здесь, трудно понять, зачем позволяют старому ковбою так лихо вольтижировать на скаку. Он, по мне, и раньше не казался мудрецом, а сейчас так и вовсе выглядит дурачком.

– Боишься, Рони подпишет с красными договор?

– Ну, такого мне и на ум не приходило. Просто бывает обидно видеть, как он глупо подставляется на пустяках. Неужели те, кто рядом, не видят, что он живет в выдуманном мире?

– Еще в каком! – заметил Томпсон. – Недавно он рассказал журналистам анекдот из жизни Советов – рухнешь.

– Он их часто рассказывает.

– Этот был особо симптоматичный. Точнее, клинический.

– Не интригуй.

– Дело якобы происходит в современной Москве. Ночная темень. Близится комендантский час. Солдат с автоматом кричит прохожему: «Стой!» Тот не останавливается, а бежит. Солдат стреляет. Человек падает. «Зачем стрелял? – говорит офицер. – Этот тип до комендантского часа мог дойти до дому». «Не смог бы, – отвечает солдат. – Я знаю, он далеко живет».

– Ты меня разыгрываешь!

– Ни в малой степени.

– Тогда красным остается пошире распространить этот анекдот о себе, и от Рони ещё долго будет дурно пахнуть.

– Ты явно на стороне красных, Бен. Не потому ли, что сам служил в Москве?

– В Москве, но не ей. За то и был изгнан оттуда. Так что я чист, старина. Но нам все труднее строить из себя миролюбцев. Это факт. И адрес у империи зла может смениться.

– Не будь таким пессимистом. Я считаю, что ребята со старшего курса обмозгуют проблему.

Каррингтон улыбнулся. Он знал, кого имел в виду Фред. Многие их однокашники, правда, со старшего курса, уже стали генералами и пополнили штат Пентагона и ЦРУ. Уж они-то не позволят никому – ни президенту, ни конгрессу – пройтись карандашом по штатному расписанию штаба войны. Ребята со старшего курса, в это Каррингтон верил твердо, ско-

рее пойдут на локальный конфликт, организуют бросок морской пехоты на чужое побережье, дадут своей стране возможность потерять каких-нибудь пять – десять тысяч парней, чем разрешат за ненадобностью сократить на сто генералов штаты штабов и дивизий.

– Что касается старого ковбоя, – сказал Томпсон, – за него нам стоит держаться. Уйдет он, и мы, поверь, будем вспоминать его время как золотые деньки.

– Мне трудно возразить или поддержать тебя. В этой дыре масштабы видятся искаженными. Я – как каменщик, который кладет стену, но не представляет, каким видит дом архитектор.

– Зачем кокетничать? Я не поверю, будто Бенджамен Каррингтон просто кладет стену. На своем участке он и архитектор, и каменщик.

– Спасибо, Фред. Тем не менее я здесь не информирован о многом. Более того, многие вольты нашего ковбоя отсюда выглядят неожиданными и непонятными взбрыками.

– Это нюансы. Старик блажит, это верно. Он – рамолик. Но главное – противостоять русским, не делать им уступок, ни с чем не соглашаться – он вызубрил наизусть и помнит даже во сне.

– Посмотрим, посмотрим…

Каррингтон подошел к окну. От узла связи по дорожке к штабу шел шифровальщик. На этот раз он нес в руке черный чемоданчик, приторoченный к запястью стальной брас-

леткой. Каррингтон поморщился. Обычно шифровки, поступавшие во второй половине дня, ничего хорошего не предвещали.

Он сам открыл дверь уоррент-офицеру и пропустил его в кабинет.

– Гарри, это полковник Томпсон. Новый шеф нашей плантации.

Клей щелкнул каблуками и почтительно склонил голову. Только после этого он раскрыл чемоданчик и передал Каррингтону телеграмму.

– Могу идти? – спросил он разрешения.

– Да, Гарри, идите.

Каррингтон развернул телеграмму.

«Молния.

Совершенно секретно.

Только полковнику Каррингтону.

По прочтении уничтожить.

В связи с началом вывода красными полков из Афганистана в регионе может возникнуть новая ситуация. Предлагаю срочно разработать меры для стабилизации положения. Продумайте, как воспрепятствовать уходу красных. Доложите для утверждения. Получение подтвердите.

Ричард Д. Браун, генерал-майор».

Каррингтон протянул бумажку Томпсону:

– Красиво сформулировано, верно?

Томпсон отодвинул телеграмму на длину вытянутой руки

и прочитал ее, не надевая очков. Швырнул бумажку на стол.

– Сожги ее, к дьяволу! Дрянь! Как все, что высиживают наши политики!

Он брезгливо подтолкнул телеграмму к Каррингтону. Тот взял ее за уголок, достал зажигалку. Желтый огонек лизнул листок.

– Рискованная оценка, полковник, – сказал Каррингтон насмешливо. Телеграмма в его руке быстро чернела. – Меры по стабилизации придется разрабатывать вам.

– К черту меры! Просто пошлю шефа подальше, а сам сделаю все как надо.

– Ты не изменился. – Каррингтон сел в кресло, закинул ногу на ногу.

– Что имеешь в виду? – спросил Фред.

– Твое командирское кредо: «Пункт первый. Полковник всегда прав. Пункт второй. Если полковник не прав, руководствоваться пунктом первым».

– Было и такое, – усмехнулся Фред. – Чего там скрывать! Но теперь я уже другой.

– Что имеешь в виду? – повторил Каррингтон вопрос Фреда.

– Принял более демократические, если хочешь, более гибкие взгляды.

– Забавно. Как это?

– Помнишь, каким образом президент Джонсон определял пригодность своих помощников?

– Прости, нет.

– Он говорил: «Если я сниму штаны и заставлю помощника нюхать зад, тот должен сказать: “Благоухает, как роза”».

– Крепко!

– Суть не в крепости. Куда важнее демократичность выбора. И я теперь придерживаюсь этого принципа.

– Вопросов нет, сэр! – сказал Каррингтон, опустил ногу и, не вставая, щелкнул каблуками, как уоррент-офицер Клей.

– Молодец, парень! – язвительно похвалил Фред. – Ты всегда был на курсе лучшим щелкателем каблуками. А теперь главное – не оттягивать дело. Нельзя дать красным уйти. Нельзя!

Томпсон вскочил и нервно прошелся от окна к столу и обратно.

– Это проигрыш для нас, если они уйдут. Думай, старина, как застопорить их уход.

– Ты всерьез? – спросил Бен. – Тут думать нечего: это невозможно. Они решили – они уйдут. Серьезная страна, как ты знаешь.

– Заставить! Сбить с них шляпу! Ударить в спину! Пусть обернутся. Потом остановятся. Надо принудить их остаться! – кипятился Томпсон.

– Успокойся, – сказал Каррингтон. – Прямых указаний держать их здесь из Центра не дали. Чего волнуешься? Прикажут – другое дело.

– Прикажут?! Да мне плевать на их приказы! Русские к

тому времени уйдут. Это может сделать процесс необратимым. Либералы почувствуют силу. Они заставят нас ходить испанским шагом…

На жаргоне профессиональных служак «испанский шаг» означал увольнение со службы, и Каррингтон почувствовал, что Фред заглядывает далеко вперед, стараясь предугадать вероятность развития событий.

– Что у нас на выходе? – спросил Томпсон сухо. – Есть готовые операции?

– Два каравана с оружием для Хайруллохана.

– Стоящий человек?

– Фред! – воскликнул Каррингтон с внезапно вспыхнувшей злостью. – Ты в своем уме?! Кто в этой проклятой дыре может быть стоящим? Все дерьмо! Сплошное дерьмо. Кругом. Все эти гульбеддины, якдасты, раббани. Все ханы, вожди и лидеры. Самое вонючее дерьмо!

Фред встал и отошел к холодильнику. Достал бутылку кока-колы. Открыл пробку. Набулькал в стакан жидкости. Выпил медленными глотками, смакуя холодный напиток. Когда Каррингтон выдохся, он поставил стакан. Спросил:

– Всё? И тебя бесит, что у нас в запасе столько дерьма? Это же прекрасно! Всё его и надо выплеснуть на русских. Только сразу. Посадить их в него! По уши!

– Смотри, – сказал Каррингтон, несколько поостыв. – Твое, в конце концов, дело.

– Я смотрю.

– Не переусердствуй.

– У меня, Бен, отсутствует синдром осторожности.

– Ты считаешь, он есть у меня?

– А ты и не догадываешься? Тогда скажи, почему тебя отзывают раньше срока?

– Не привык оперировать догадками. Сплетни – это привилегия вашингтонских коридоров. Если что-то знаешь – скажи.

– Знаю, парень. В Центре тобой недовольны. Во всяком случае, не очень довольны.

– Я выполнял все указания точно.

– Знаю. Только сегодня этого мало. Сейчас нужно проявлять больше самостоятельности. Надо почаще создавать такие ситуации, которые показывали бы политикам, что примирение с красными невозможно. Необходимо держать либералов в напряжении.

– Ты же знаешь, это не так просто. Сверху на нас постоянно давят.

– Знаю. Потому и нужна здесь упругость. Тебя давят, а ты должен возвращаться в прежнее положение, едва отпустят. Энергично возвращаться.

– Не слишком ли часто мы стали возвращаться в прежнее положение, после того как на нас надавили обстоятельства? Эти возвраты уже стали притчей во языцех. И люди видят в таких колебаниях не упругость, а косность. Неумение оценивать обстановку. Вот. – Каррингтон встал, прошел в угол

к журнальному столику, заваленному прессой. Выбрал какой-то журнал. – Вот «Харперс мэгэзин». Ты потерпи, Фред, если я приведу слишком длинную цитату.

– Давай, старина. Для тебя чего ни потерпишь.

– Спасибо. Так вот, Люис Лэпмэн, заметь, не красный, а наш, только с более, чем у других, здравым взглядом, пишет о нашем с тобой шефе: «Я не сомневаюсь в патриотизме и усердии Кейси, но, как и другие богатые бизнесмены с высших этажей администрации – не только президент, но и господа Уайнбергер, Шульц, Риган, Бейкер, Бьюкенен и Миз, – он путает власть денег с силой человеческого характера и духа. Это общая ошибка для американской плутократии. Не зная иностранных языков, истории, литературы, не зная ничего о других обществах, кроме собственного, они полагаются на профессиональные советы услужливых софистов, как, например, Генри Киссинджера. Было бы несправедливо особо кивать на Киссинджера, который не более и не менее честен, чем большинство его коллег по политическим институтам, но он обладает исключительным даром сочинять “неофициальные мнения” так, чтобы заслужить одобрение своей клиентуры. В 1974 году в руководстве, озаглавленном “Американская внешняя политика”, он сформулировал правило всемогущества: “Научная революция при всех ее практических целях сняла технические ограничения с применения силы во внешней политике”».

– Что ты хотел доказать этой длинной цитатой? Что Кис-

синджер дурень? В этом уже давно мало кто сомневается. Что касается автора статьи, он типичный левак.

– А я вижу в нем честного человека, – сказал Каррингтон, – чувства которого оскорбляет глупость тех, кто больше других должен заботиться о патриотизме.

– Я в детстве увлекался не Лэпмэном, а Стивенсоном, – сказал Томпсон задумчиво, – и помню его выражение о том, что патриотизм не всегда нравствен.

– Это слова Престонгрэнджа из «Катрионы», если не ошибаюсь. Во всяком случае, не самого Стивенсона.

– Чепуха! Все, что есть в любой книге, принадлежит автору. Он и герой, и подлец в одном лице. Так вот, Бен, патриотизм, как ты его понимаешь, тоже достаточно аморален.

– Поясни.

– Америка – не Гренада. Америке в этом мире никто и ничто не угрожает, кроме собственных ошибок. А эти ошибки ведут к тому, что опасность нависает над кланом верных сыновей Америки. Над нами, Бен. Над людьми военными. Ты ведь согласен, что мы – клан?

– Да уж как не согласиться.

– Тогда нам всем в равной мере надо думать, как сохранить свою силу и позиции в обществе. Пацифизм действует на умы разлагающе. Когда люди имеют дело только с готовыми котлетами, они перестают думать о том, что скотину надо резать. Живя в условиях безопасности, леваки начинают думать, что эта безопасность рождается сама по себе.

– Человечество пугает ядерный призрак. И без того в мире много бед, чтобы добавлять к ним атомную зиму.

– Плевать мне на человечество, Бен. Я не хочу и не могу быть выше самого Господа Бога. Он взирает свысока на все, что сам сотворил, что происходит по его воле. Люди от рождения до смерти корчатся в муках, стонут, молят Всевышнего об избавлении от болезней, уродств, боли. А что меняется? Что?! Почему же я должен быть выше Господа Бога? Я такой же смертный, как и все остальные. Я знаю все: боль, ревность, тоску. Так почему же мне еще исповедовать гуманизм? Думаю, хватит веры в Бога. Остальное – на его совести. Мне на других наплевать! На всех, вместе взятых! И если наш нынешний президент, никого не стесняясь, говорит о том же, я ему аплодирую. Мы аплодируем, патриоты Америки. Ее военные, в чьих руках честь и гордость нации.

Томпсон стукнул кулаком по хлипкому столику на металлических ножках, и тот закачался.

– Мы патриоты, Фред, это верно. Но кое-кто говорит, что за такой патриотизм нам слишком хорошо платят.

– Это говорят красные. Я знаю, что мои деньги мне не дарят. Я их получаю за риск, которым сопровождается дело. И во Вьетнаме, и в других дырах земли, где стреляли, – я побывал всюду. От опасности не прятался. Так почему же мне стесняться денег? Почему я должен без борьбы уступать свое место тем, кто хочет лишить меня моего дела? Короче, Бен, я сюда приехал не отдыхать. Сегодня доложу о прибы-

тии. Завтра – о первых делах. Шеф любит, когда в работу включаются сразу. Поэтому давай докладывай, что у тебя в готовности к запуску. Чтобы сразу начать стартовый отсчет.

– Более всего готовы «медведи». По плану они должны завтра уйти на ту сторону.

– Постой, не спеши. Прошу просвещать меня в мелочах. Обычно слово «медведи» означает…

– Не ошибаешься и на сей раз. Мы сохраняем все родные определения. «Медведи» – это русские.

– Откуда у вас русские?

Бен усмехнулся:

– Мы выращиваем их сами. В нашем питомнике – «Баглэбе». В данном случае «медведи» – это муджахиды из группы Фарахутдина. Отобрали трех фанатиков. По колеру они более или менее рыжие. Переодели.

– В шкуры? – спросил Томпсон.

– В красные шкуры, – уточнил Каррингтон и улыбнулся.

– Цель операции? – спросил Томпсон. Он сделал вид, что не обращает внимания на стремление Бена вести разговор в легком тоне.

– Красный терроризм в Афганистане.

– Догадываюсь. Но мне важнее знать, где и когда появятся эти люди. Скажу честно, я таких штучек остерегаюсь. Как ни прячь уши, тайное вылезает наружу, становится явным. Конечно, мы делаем вид, что нам все нипочем. Но дурно пахнет не один день. Поэтому яма, куда кидают отбросы, долж-

на быть закопана надежно.

– Будь уверен, пройдет спокойно. Здесь не Европа. Ни левых свистунов в парламенте, ни пройдох-журналистов. Те, что бродят там, в Афганистане, полковники не меньше, чем мы с тобой. Короче, «Баглэб» – учреждение с тройной гарантией.

– Хорошо. Как пойдет операция?

– «Медведи» уходят первыми. Немного порезвятся.

– Где именно?

– Нас интересует район рода Абдулл Кадыр Хана. Он занимает пока нейтральную позицию – ни нам, ни красным. Нужно, чтобы работал с нами. «Медведи» создадут такую возможность.

– Где гарантия, что все сойдет? Что сделано для прикрытия операции?

– «Медведей» поведут парни из банды Хайруллохана.

– Сколько их?

– Десять человек. Тройной перевес. И внезапность.

– В чем?

– «Медведи» после операции выйдут к условному месту, где им положено снять красную шкуру. Там их и возьмут.

– Что значит «возьмут»?

– Если тебе больше нравится иное, скажу так: их положат огнем, как красных, и передадут роду Абдулл Кадыр Хана.

– Сколько человек знают о плане всей операции?

– Только двое. Я и ты.

– О части «Медведь»?

– Пока шестеро: три исполнителя, ты, я и полковник Исмаил.

– О части «Прикрытие»?

– Ты и я. Для устранения «медведей» отобраны стопроцентные фанатики. С «медведями» они не знакомы. Пройдет без сложностей.

– Да поможет нам бог, Бен! Пойми мою придирчивость. Я остаюсь наследником неизвестного мне состояния и хочу знать, не стоит ли сразу отказаться от долгов по наследству.

– Решайте, сэр. Теперь вы на мостике.

– Еще один вопрос. Почему спецзону здесь именуют «Баглэб»?

Томпсона явно смущала первая часть слова: «баг» – клоп. В английском оно употребляется довольно широко. Клопами именуют и вонючих кровососов-насекомых, и чокнутых, полоумных людей. Клоп – это подслушивающий микрофон и тайно приспособленная в укромном месте следящая система, которой поручают охрану объектов. Но в каком измерении ни приложи – похвалы слово в себе не несет никакой, и потому название попахивало. Клоповник. Клопиная лаборатория… Что-то в этом роде.

– Так кто навесил ярлык на доброе заведение?

– Были тут с недобрыми языками. Их нет, а название прилипло. В конце концов, черт с ним!

– Что будет в конце концов, – сказал Томпсон, – это уже

решу я.

– Решай, старина.

– А теперь я скажу, что дел у нас две капли. Оружие Хайруллохану и «медведи». Негусто. А ведь речь идет о жизни или смерти. Если уйдут русские, для нас почти поражение. Уколами их не возьмешь. От них вздрагивают, не более. А нужен удар. Нокаут. Улыбаешься? Давай снизим критерий. Нужен нокдаун.

– На складах базы нокдаунов нет, – сказал Каррингтон язвительно. – Давно не завозили. Заявки посланы. Ждем. Скорее всего, ты их и получишь.

– Дорогой Бен, – Томпсон зло сузил глаза, лицо его стало жестким, постаревшим, – я всегда ценил юмор. Твой, в частности. Но есть вещи святые, которые нельзя вышучивать.

– Мне казалось, – спокойно ответил Каррингтон, – что на первых порах заявка сделана неплохая. Оружие. «Медведи». Тебе не понравилось. Ладно. Но не воспринимать же это как конец света.

– Не конец, и все же речь идет о жизни или смерти. Если русские уйдут – для нас с тобой это поражение! Поэтому надо бросить все, что есть в резерве. Я обращаюсь к тебе по необходимости. Ведь в конце концов разберусь во всем сам. Но уйдет время. Уйдет. Поэтому подумай. Просчитай каждую мелочь. Ну?

– Дарбар, – сказал Каррингтон твердо. – Единственное, что я вижу.

– Что есть Дарбар? – спросил Томпсон с сомнением. – На слух не впечатляет.

– Дарбар – городишко на той стороне. Крепость при нем. В ней муджахиды блокировали афганский гарнизон. Прошло уже три недели. У гарнизона на исходе продукты и боеприпасы.

– Ну-ну, – оживился Томпсон. – Что-то может сложиться. Почему гарнизон не действовал активно?

– Они упустили время.

– Почему? Нет ли здесь какой хитрости?

– Есть нераспорядительность. Это раз. Нерешительность командования – два. Отсутствие эффективной разведки – три.

– Хорошо. Кто командует на участке муджахидами?

– Высочайший Хайруллохан.

– Толковый человек?

– Авантюрист, конечно, как и все остальные, но кое-что умеет.

– Надо брать этот… как его… – Томпсон пощелкал пальцами, вспоминая ускользавшее из памяти название.

– Дарбар, – напомнил Каррингтон.

– Да, именно. И тянуть нельзя. Надо с ходу раскручивать операцию. Цель: как можно скорее поставить русским клизму с битым стеклом.

– Пока что я вижу только битое стекло, – заметил Каррингтон.

– Будет и клизма, – пообещал Томпсон. – Где наши «медведи»? Я хочу заглянуть в их клетку.

– Сперва обед, – возразил Каррингтон.

Сдаваясь, Томпсон поднял вверх руки ладонями на уровне плеч.

После обеда у штаба их ждал уже знакомый Томпсону лендровер. Возле машины стояли два автоматчика в полувоенной форме, в черных чалмах, с мрачными бородатыми лицами.

– Кто это? – спросил Томпсон.

– Риф-Раф[1], – ответил Каррингтон.

– Сразу видно – подонки, – усмехнулся Томпсон. – Но меня интересует другое.

– Я и не имел в виду подонков, – ответил Каррингтон серьезно. – Того, что слева, сэр, я назвал Риф. Правого – у него еще родинка под глазом – Раф. А вместе это звучит вызывающе. Не так ли?

Оба рассмеялись.

– Все-таки, – сказал Томпсон, – твой юмор – для здешних мест просто клад. Сейчас я произнесу эти прекрасные имена.

Он повернулся к автоматчикам. Голосом, полным командирской силы, поздоровался:

– Здравствуйте, рифф-рафф!

Автоматчики, сверкая свирепыми глазами, вытянулись и закостенели.

---

[1] Рифф-рафф – подонки (*англ.*).

– Они ни бельмеса, – пояснил Каррингтон и перевел: – Ассялям алейкем, Риф-Раф!

Офицеры прошли к машине. Риф распахнул дверцу и отступил в сторону.

Бен, пропуская Фреда, занял место после него.

«Танк» взял с места хорошую скорость.

Каменистая степь, спаленная солнцем, лежала безжизненная и пустынная. Ветер, жаркий и нервный, дул монотонно и беспрерывно. Он высвистывал унылый мотив, от которого воротило душу. Кругом, куда ни посмотри, стлалась однообразная волнистая пустота, тут и там ряды плешивых холмов. Одинокие смерчи, то и дело вздувавшиеся в разных местах, сметали в кучи сухую полынь, пыль и мусор.

Раф, стиснув руль обеими руками, не отвлекался от дороги. Он вжал ногой педаль газа до самого пола и не ослаблял давления на нее ни на мгновение. Машина летела напористо, яростно, сметая с дороги песчаную крошку.

– Сколько тут? – спросил Томпсон.

– Две мили.

У ворот зоны пришлось остановиться. Путь перегораживала тяжелая балка шлагбаума. Как бы укрепляя ее прочность, в бетонированном гнезде стоял пулемет на треноге. Только когда начальник караула подошел к машине и увидел в ней Каррингтона, он взмахнул рукой. Солдаты, оставив пулемет, пошли поднимать шлагбаум.

Томпсон, приоткрыв дверцу, огляделся. Между холмов за

колючей проволокой виднелись очертания небольших домов – то ли жилых помещений, то ли складов – не разобрать. Справа от дороги белел огромный щит, изрисованный вязью арабских букв. Что написано на нем, Томпсон не спрашивал. Он раз и навсегда усвоил, что там должно быть написано, и знал: так оно и есть.

«СОБСТВЕННОСТЬ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА. ПРОХОД И ПРОЕЗД ВОСПРЕЩЕН. ОГОНЬ ОТКРЫВАЕТСЯ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ».

Знал Томпсон и то, что ребята, которым поручают охрану подобных объектов, не любят церемониться, не кричат: «Стой! Кто идет?» Для них главное – нажать на спуск автомата и наблюдать, как отчаянного смельчака – дурак он или просто неграмотный, все равно кто, – рвет на куски метко пущенная очередь.

Сплоховать и не попасть в нарушителя для таких служак означало поставить крест на своей карьере, и они всегда попадали.

Машина неторопливо подкатила к домику, затянутому маскировочной сетью. Томпсон из-за этого и не заметил его на фоне пегой возвышенности.

Въехали на стоянку под специальным навесом. Вышли из машины и с минуту стояли, давая глазам возможность привыкнуть к сумраку, царившему здесь. Томпсон повел носом. Тянуло сильным запахом дыма и жареного мяса.

– Здесь готовят азиатский пир?

– Традиция, – пожав плечами, ответил Каррингтон. – Перед уходом на операцию люди покупают барана и устраивают себе отдых.

– Откуда им известно об операции? – В голосе Томпсона звучало подозрение. – У вас об этом объявляют заранее?

– Успокойся, Фред. Никто ничего не знает. Но люди чувствуют такие вещи нутром.

– Нужно выяснить, у кого такое нежное нутро. Мне оно не очень-то нравится.

– Да не горячись, старина. Ровным счетом ничего криминального. До обеда я сообщил, что приеду. Как считаешь, прибытие шефа и подгонка обмундирования что-нибудь в этом мире значат?

– Хорошо, успокоил.

Они прошли в штабной домик. Раф открыл перед ними дверь и встал с автоматом у входа. Риф так и остался в машине, только приоткрыл дверцу, чтобы сделать полосу обзора для себя пошире.

– Сволочь у тебя дрессированная, – сказал Томпсон, наблюдавший за поведением охраны. – Пожалуй, их можно будет оставить себе.

Десять минут они провели в уединении, наслаждаясь кондиционированным раем. Наконец открылась дверь и в помещение вошел высокий худощавый полковник в пакистанской военной форме. Легко вскинул руку к фуражке с высокой тульей.

– Полковник Исмаил, – представил Каррингтон вошедшего. – Наш большой друг.

– Где ваши «медведи»? – спросил Томпсон, словно забыв о вежливости, какая полагалась при первой встрече.

– В загоне, мистер Каррингтон, – обращаясь к Бену, ответил Исмаил. Его бесцеремонность сильно задела Томпсона.

– Чем занимаются? – снова спросил он.

– Сейчас будем переодевать. Пусть обносят новую форму. Затемно их предстоит увезти на ту сторону.

– Мы хотим посмотреть на обряд переодевания, – сказал Томпсон. – Это, должно быть, интересное зрелище.

– Пожалуйста, – сказал полковник Исмаил. – Здесь недалеко.

Они прошли за один из бараков, в загон, отгороженный фанерными щитами. В небольшом закутке бродили трое раздетых до трусов мужчин. Двое высоких, ширококостых, один низенький, тощий, со спиной, покрытой бурыми прыщами.

Увидев вошедшее начальство, они встали в шеренгу. Заморыш занял место на правом фланге.

– Кто этот недоносок? – спросил Томпсон.

– Командир группы Машад Рахим, – доложил полковник Исмаил. – Двое других – боевики Муфта Мангал и Мирзахан.

Томпсон подошел к боевикам поближе. Брезгливо оглядел с ног до головы. Такое дерьмо ему давно не встречалось.

Должно быть, там, за Хайбером, дела у муджахидов обстоят из рук вон погано. С такими боевиками…

Он подошел к высокому носатому парню, впервые оказавшемуся полуголым перед высоким начальством и оттого заметно стеснявшемуся. Пальцем, как паршивому коню, когда стараются сбить цену, провел по ребрам. Они выпирали из-под кожи, словно прутья из старой корзины.

Парень неловко пошевелился, словно хотел оборонить себя.

– И это «медведи»?! – спросил Томпсон брезгливо. – Пусть одеваются.

Через некоторое время все трое были в советской военной форме.

– Откуда такое? – спросил Томпсон, разминая в руке полу куртки Муфти Мангала.

– В Пешаваре есть мастерская, – пояснил полковник Исмаил. – Можем обшить целую дивизию.

– Оружие?

– Автоматы русского типа АК, – сказал Каррингтон. – Производство английское. Фирма «Интерармз».

– Все как у «медведей», – скривив губы в усмешке, произнес Томпсон. – А на каком языке будут говорить эти звери?

– В акции – по-русски.

– Интересно. Весьма интересно…

Томпсон подошел к мордолошадому Мирзахану. Спросил, четко выговаривая русские слова:

– Ты менья понимайш, скотина?

Мирзахан вытянулся и застыл. На тупой физиономии – выражение растерянности и испуга.

– Многого хочешь, Фред, – заметил Каррингтон.

– Свиньи, – сказал Томпсон и поморщился.

– Это слово, – произнес Каррингтон жестко, – здесь забудь! Ослы, бараны – еще куда ни шло. А свинья для мусульманина – животное греховное.

– Плевать! Я не привык менять выражения по религиозным причинам. Свиньи, и всё тут.

– Я тоже мусульманин, – произнес полковник Исмаил и зло посмотрел на Томпсона.

– Простите, сэр, – спокойно ответил Фред. – Речь шла не о верованиях, а об умственных способностях. Вы лучше продемонстрируйте мне, как они будут говорить по-русски во время акции.

Исмаил повернулся к троице. Сказал им несколько слов на пушту. В ответ заморыш изобразил на лице свирепость и разразился тирадой:

– Иван! Стирляй! Пирод! Дапай, дапай!

– Им с такими талантами хоть в Москву! – сказал Томпсон. – Впрочем, для одноразового употребления вполне сойдут. Можете отправлять, полковник Исмаил, Бог помощь!

Ночная сказка

Ночь в степи – это безбрежное море темени. Только небо мерцает призрачным светом. Звезды на юге крупные, льдистые. Млечный Путь, как караванная тропа в иные галактики, перехватывает бархат свода от горизонта до горизонта.

В неглубокой балке, среди продутой ветром степи, в уютном затишье горит костер. Маленький очаг живого огня, дарящий людям тепло и свет.

Пламя, перебегая по хворосту, то бледнеет, угасая, то ярко вспыхивает, взрывается, с треском рассыпает искры. Они взлетают и гаснут, немного не долетев до неба.

У костра, коротая ночь, сидят шпун Захир – сельский пастух, и четверо ребятишек – кишлачных сирот. В одиноком добром пастыре ребята встретили теплоту и участие и теперь ходят за ним и за овцами, почитая старика, как отца.

Сказка у костра, древнее предание, рассказанное в ночи, хранят в себе величайшую тайну живого слова. Того, которое заставляет юные сердца трепетать от любви и ненависти, учит различать добро и зло, славит благородство, осуждает черную подлость.

В бетонных домах больших городов сказка для ребенка – забава, вечерняя порция духовной пищи на сон грядущий.

В теснинах гор и на степных просторах, в юртах кочевников и хижинах дехкан-базгаров сказка – это завет ушедших

поколений тем, кто идет за ними в будущее по караванным путям пустынь и козьим тропам гор, среди пропастей и утесов.

Шпун Захир – хороший рассказчик.

– О Аллах, милосердный, всесильный, всевидящий и всеблагой!

Голос у Захира спокойный, ровный, слова его – не вдохновенная молитва или похвала Всевышнему, а лишь привычная и неизбежная формула, необходимая для начала хорошей сказки.

– В Книге Аллаха записаны судьбы всего живого – человека и зверя.

Все в мире совершается и течет по воле Всевышнего. Аллах вознес орла могучего над землею, дал ему крылья широкие, крепкие. Небо – безбрежная обитель птицы.

Только орлу подвластны неприступные скалы. Облака – его одеяло. Ветер – его товарищ. Гнездо орла – крепость воли и гордости.

Аллах дал земле шакала, но не одарил его смелостью волка и добротой собаки. Ростом ниже колена, шакал обречен бегать с опущенной головой, нюхая по пути запахи ослиной мочи и помет верблюдов.

Ненасытный и жадный, шакал в зависти поднимает голову, жалуется на судьбу, плачет и воет отчаянно.

Вот однажды, – о Аллах, по твоей ли воле? – подняв голову к небу и завыв во все горло, шакал увидел орла. Зависть

сжала черное сердце.

Решил тогда вонючий: «Вот поднимусь я в горы, найду гнездо орла, схвачу его, растерзаю и сам стану править миром. Сидя на высоком троне, буду принимать подданных – все зверье, степное и горное, всех птиц перелетных. Со всех возьму дань, всех заставлю трепетать перед собой…»

Прижавшись друг к другу, затаив дыхание, сидят у костра дети и слушают шпуна Захира. Орел и шакал. Гордый полет к свету, к небу и завистливый вой в ночной темноте. Сколько раз слыхали его пробирающий до пяток плач и смех в пустынной степи! Орел и шакал. Что будет, когда они столкнутся? Что будет?..

Широко открытые глаза. Ожидание откровения…

– Сказал шакал свое слово и полез на утесы.

Он полз вверх тихо и осторожно. Не спешил. Перебирался с выступа на выступ, переползал с уступа на уступ. И чем выше забирался, тем больше дрожал.

Орел взлетает к солнцу, чтобы оттуда оглядеть свой владения. Чем выше он взлетит, тем больше видит, тем радостнее у него на сердце.

Шакал не испытывает радости от высоты. От нее ему тошно. Он забирался на скалы, дрожа от страха. Вниз смотреть боялся. Его мокрый след виднелся на камнях.

Воистину сказано: трусливая душа не должна подниматься высоко. Чем выше она взлетает, тем большему числу глаз будет виден ее мокрый, дрожащий зад.

Так, дрожа и повизгивая, шакал добрался до уступа, с которого ему оставалось только прыгнуть вниз, чтобы оказаться в орлином гнезде.

Лег шакал на краю обрыва, положил голову на лапы и стал ждать, когда вернется домой орел. Гнездо рядом – только прыгай.

Но, как записано в Книге, все в мире проистекает, течет и льется только по воле Аллаха.

Ветер ли дует, дождь ли идет, сжигает ли суховей плодородную пашню – все в руке Господней, все от него одного. Аллах акбар!

Уже возомнил шакал себя сидящим на троне шахи-шаха птиц, бейлербея пернатых, как разыгрался среди утесов ветер, закрутилась конским хвостом дурдурака[2], встала метлой над скалами. Увидел шакал, что несется на него свистящий бурбукей[3], завизжал с перепугу, к камням прижался, глаза закрыл.

Ветер ударил вонючего нахала, опрокинул на спину, подхватил его, подбросил, закрутил волчком, пнул под зад и швырнул с размаху в глубину ущелья.

В это время орел возвращался в свое гнездо с добычей. Налетела и на него метла дурдураки. Тогда гордая птица пошире распахнула крылья и легко, без лишних усилий, взмыла к самому поднебесью.

---

[2] Дурдурака – смерч (*пушту*).

[3] Бурбукей – ураган (*пушту*).

Орел летел вверх.

Шакал падал вниз.

Орел уселся на трон и оглядел мир с гордой высоты.

Шакал трахнулся о камни, завизжал, но не убился – на то была воля аАллаха. От боли и стыда залез он в камни, стал зализывать ушибы. А когда поднял голову и увидел летящего орла, завыл злобно, дико.

С той поры весь мир под луной знает: не дано шакалу власти править в животном царстве, сидеть на троне. Не дано ему глядеть на землю с высоты.

Не сидеть рыжехвостой твари в каменной крепости хана птиц. Даже если туда и заберется вонючий нахал, ветер справедливости, завившись косой в дурдураку, вздыбившись бурбукеем, выметет нечисть вон…

Потом до слуха сидевших у костра донеслись два глухих удара.

– Что это, отец? – спросил один из мальцов.

– Это стреляли из старой крепости, – ответил шпун Захир. – Солдаты со звездами на шапках. Шурави.

– Отец, – снова задал вопрос мальчик, – в крепости Дэгурвэти дзалэй солдаты шурави. Разве Аллах не вышвырнет их? Не сбросит на землю? Не растопчет?

Шпун Захир торжественным жестом молящегося правоверного огладил черную густую бороду, опустил руки ладонями вниз на колени.

– Гулям, – сказал он многозначительно, – ты, наверное,

плохо слушал меня. И потому не понял сказку. Я сказал: Аллах никогда не позволит шакалу сравняться с орлом. Дэгурвэти дзалэй – крепость орлов. И они сейчас там. А шакалы скрываются в расселинах гор. И воют по ночам. И рвут стаей честных дехкан, отбирая у них скот, сжигая дома. Это самая правда из всех известных мне правд. И пусть меня накажет Аллах, если я хоть немного кривлю душой. Аминь!

Гнездо орлов

Афганистан. Крепость Дэгурвэти дзалэй.
Гарнизон советских войск

Эта старая крепость насчитывает многие века. Никто точно не знает, когда был положен первый камень в основание ее бастионов, кто первым проверил тараном прочность ее богатырских стен. Никто.

Ушли из жизни участники давних кровавых битв, забыты их имена.

И снова дни неслись над крепостью, как тысячи стрел, гремели годы грохотом стенобитных орудий, звенели века ударами ядер и чугунных бомб.

Битвы испещрили грудь бастионов шрамами и опалили огнем. Но камни хранят память обо всем происшедшем безмолвно.

Нет в живых свидетелей битв. И кто помнит об их смелости и мужестве?

Только слава никогда не меркнет, если она настоящая.

О сражениях, сотрясавших стены, своим детям рассказали очевидцы мужества осажденных. Передаваемое из уст в уста, до наших дней из глубины незапамятных лет дошло имя крепости: Дэгурбэти дзалэй – Орлиное гнездо.

Обратившись к Советскому Союзу за военной поддерж-

кой, афганское правительство указало крепость Дэгурбэти дзалэй как одно из мест дислокации дружественных войск.

Войдя в Орлиное гнездо, советские солдаты привели в порядок старые казармы, завезли в узкие дворики бастионов плодородную землю, посадили кусты и деревья. На стене крепостного здания солдатский художник нарисовал березки. Две сестрицы по двум сторонам сводчатого входа. Та, что слева, стоит выпрямившись, как дева-краса, на юру, на ветру. Тугие струи воздуха бьют в ее зеленую грудь, и длинные ветви развеваются вольно, как косы. Гордая и радостная в борьбе с ветром, она не сдается, противостоит ему.

Вторая, та, что справа, выглядит мирной красавицей. Как добрая мать над колыбелью, распушив ветви-волосы, встречает она сыновей, возвращающихся после трудных дел, ласкает, обдувает дыханием родной стороны.

Кто-то из офицеров, до того служивших в Группе советских войск в Германии, окрестил это место «Унтер ден березкен», по ассоциации с берлинской улицей Унтер ден Линден – Под липами. Название привилось.

Строители крепости меньше всего беспокоились об удобствах. Их в основном заботила прочность сооружений. Стены казармы достигали двухметровой толщины. Окна в них выкладывали маленькие, неудобные, похожие на бойницы. Пришлось советскому гарнизону многое совершенствовать, переделывать на привычный лад. Стены внутри казармы обшили досками. Настелили новые полы. Побелили потолки.

Поставили хорошие теплые печи. И сразу задышали древние камни запахами смолистого бора.

К тому времени, о котором идет речь, в крепости располагались мотострелковый батальон, которым командовал капитан Александр Макарович Бурлак, саперная рота и артиллерийская батарея старшего лейтенанта Федора Анискина.

Все подразделения Орлиного гнезда подчинялись капитану Бурлаку, доставляя ему массу тревог и беспокойства. Вот и в тот день капитан Бурлак с утра был в напряжении. Минувшая ночь выдалась для него беспокойной, нервной.

Сразу с наступлением темноты было получено предупреждение от разведки, что в «зеленке» – в зоне садов, занимавших долину, – мобильная группа душманов развертывает пусковые реактивные установки. Были указаны и координаты. Куда собирались бросить свои снаряды бандиты – на крепость или на ближайшие кишлаки, – разведка не сообщала. Но разве что-то зависело от того, куда метят душманы?

Расчет прожекторной установки взял цель «с выстрела», то есть не потратив на ее поиски ни секунды. Огневики первого взвода батареи Анискина дали два выстрела. Они заранее пристреляли в своем секторе каждый бугорок и потому били без промаха. Оба снаряда попали в цель. В стереотрубу было видно, как оранжевое пламя разрывов взметнуло и разнесло по сторонам какие-то черные предметы. В панике метались и падали душманы.

Выехавший перед рассветом в поиск дозор привез под-

тверждение о том, что обе пусковые установки уничтожены. Брошенные душманами остатки боеприпасов разведчики подорвали на месте.

Людские потери бандгруппы подсчитать не удалось. Останки погибших душманы унесли с собой.

Лег капитан Бурлак в три ночи, встал в пять утра. Выслушал доклад дежурного по гарнизону и прошел в учебный класс батальона. Там трое топографов заканчивали работу над рельефным макетом района предстоящего рейда. Бурлак сделал несколько замечаний и засел в штабе.

Штаб батальона помещался в довольно светлой, наново отделанной комнате. Батальонные умельцы обшили ее стены сосновыми плашками, нарезанными из старых ящиков, покрыли их бесцветным лаком. Здесь стоял видавший виды стол, но его хорошо обстрогали, и потому он выглядел как новый. У стены стоял потертый железный ящик, в котором хранились документы. На стене на рейках висела политическая карта Афганистана, купленная кем-то из офицеров в книжном магазине в Москве.

Командиры чаще всего вступают в бой раньше своих солдат. Батальон после завтрака ушел на плац заниматься строевой подготовкой, а капитан Бурлак вызвал врача – капитана Морякина.

Тот ждать себя не заставил. Стукнув для приличия в дверь костяшками пальцев, не ожидая ответа, сразу открыл ее. Задержался на пороге:

– Разрешите?

– Входи.

Бурлак протянул Морякину руку, энергично пожал ее и тут же отпустил, будто отбросил. Отрывистые, редкие движения, неожиданные повороты были частью его натуры, бурной, пульсирующей. Предложил: «Садись». Сам прошел к двери, притворил ее поплотнее. Вернулся к столу. Не спеша сел. Положил перед собой руки и замкнул пальцы в замок.

– Слушай, Иван Иванович, хорошо выглядишь. Мало я, наверное, тебя гоняю. Мои вон все черные, как галки.

– Достается и мне, – коротко ответил Морякин.

Бурлак посмотрел на него внимательно. Ему нравился этот немногословный офицер. Благополучно устроенный московский хирург, как говорили специалисты – врач с божьим даром и хорошими перспективами, сын потомственных медиков, он добился призыва и приехал сюда, на передний край, что лежит далеко впереди пограничных застав.

– Невеселый у нас разговор будет, – сказал Бурлак. – Не люблю я эту тему.

– А куда денешься?

Морякин догадывался, о чем пойдет речь.

– Вас, Александр Макарович, оттого тема задевает, что вы в больнице не работали. Я интернатуру проходил в институте Склифосовского. Там каждый день кровь и стоны. А ведь в Москве войной и не пахнет.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил Бурлак и при-

стально посмотрел на врача.

– Ничего. Просто советую: относитесь спокойнее. Я ведь замечаю, как вы всякий раз переживаете.

– Слушай, Иван, ты что, в самом деле циник? Или у вас, медиков, это профессиональное?

– Что именно?

– Да все то же.

– Насколько я понимаю, речь пойдет о медицинском обеспечении выхода. Так? Я и советую вам относиться к делу спокойнее. В чем же цинизм? Да, будут раненые. Кого-то и убить могут. Но это обычное военное дело. И я отношусь к нему философски.

Бурлак неожиданно взорвался.

– Ты меня с собой на одну доску не ставь! – резко оборвал он Морякина. Чтобы остыть, поднялся из-за стола и прошел к окну.

– Да где уж мне, – обиженно сказал ему в спину Морякин. – Вы комбат, а я так…

Бурлак резко повернулся:

– Ну-ну, мадам Фи-Фи! Ишь, обиделся! Ты сперва подумай, что я имел в виду. Твое дело по кругу гуманное. Хоть после автокатастрофы, хоть после боя, ты людей в порядок приводишь, на ноги ставишь. А я в этом деле как милиционер, на глазах которого столкнулись машины. Он вроде и мог что-то сделать, жертвы предотвратить, а не сделал. Не смог. Хоть это ты понимаешь? Доходчиво я обстановку объясняю?

– Доходчиво, – мрачно ответил Морякин. – Прошу прощения. Я действительно не о том подумал.

– Ладно, – сказал Бурлак примирительно. – Другой раз думай.

– И все же вы, Александр Макарович, неверно рассуждаете. Вы на дороге не милиционером стоите. Вы сами в той машине, которая должна столкнуться с другой. И в равной степени рискуете со всеми вместе. Кто может ручаться, что вас самого…

– Кончили об этом, – перебил его Бурлак. – Времени мало. Пофилософствуем опосля. Идет? Сейчас о деле.

– Слушаю, – сказал Морякин и почему-то встал.

– Постарайся сделать так, чтобы в группу медусиления госпиталь дал хороших ребят. У тебя там все знакомые. Подговори тех, кто посильнее. Хорошо поработают – за нами не заржавеет.

– Понял.

– Группа крови у всех проверена?

– Должна быть.

– Вот видишь, Иван Иванович, должна. А я требую от тебя лично в этом удостовериться. Сколько случалось: все быть должно, а ничего и в помине. Прибыли новенькие. Их особо проверь. Заранее продумай, как предупредить неожиданности. Ты историю с мартышкиным фактором помнишь?

– Нет. Меня, должно быть, здесь тогда еще не было.

– Мог бы и выяснить, – сказал Бурлак. – Ни черта никого

опыт не волнует. А тем более из-за этого панчар был медицинский.

– Не понял – что?

– Панчар? По-афгански – прокол шины. Так вот он лег на совесть медиков. Было так. Прочесывали «зеленку», и ранило там лейтенанта Брускова. Рана несерьезная, но сам он оказался кровистый. Потребовалось срочное переливание. Тут и забегали спасители. Не оказалось у них нужной группы крови.

– При чем тут мартышка?

– Был здесь такой, капитан Пилькин. Он до того, как лечить, считал необходимым каждому лекцию прочитать. И тогда, вместо того чтобы нужную кровь искать, стал мне объяснять, что резус-фактор на мартышках определен. Потом этот Пилькин далеко меня стороной обходил.

– Резус тоже проверю.

– Санинструкторов погоняй. Десять дней не работали. Сержант Князев у тебя ходит вразвалку, как столичный полковник. Предупреди: я его с ефрейтором Кулматовым пошлю. Там он вспомнит, как люди бегают.

– Понял, займусь.

– Для начала все. Да, вот еще. Задачу офицерам я поставлю через час. Не раньше. Тебе стало известно о выходе первому. Потому не роняй информации. Занимайся делом – и всё. Пусть люди сегодня спокойно отдыхают.

Дверь в комнату распахнулась, и в нее заглянул дежурный.

Заполошно доложил с порога:

– Товарищ капитан! Прибыл генерал Санин.

– Соберите в класс офицеров, – приказал Бурлак дежурному. – Всех. И быстро! – Повернулся к Морякину: – Всё, Иван Иванович. Давай иди, разводи пирамидон.

Генерал выскочил из машины легко, пружинисто. Снял кепи, пригладил светлые волнистые волосы, поправил пистолет и только после этого надел головной убор. Шагнул навстречу комбату.

Выслушав обязательный доклад, поинтересовался ночным происшествием. Лишь затем поздоровался, подав руку Бурлаку и его заместителю по политчасти майору Полудолину.

– Позавтракаете? – тоном радушного хозяина предложил комбат.

– Нет. Пора начинать. Люди собраны?

Они прошли по гулкому пустому коридору. Возле дверей батальонного класса остановились.

– Готов? – спросил генерал комбата с интонацией, которая не допускала иного ответа, кроме утвердительного.

Уловив эту обязательность, Бурлак помимо воли сразу ей воспротивился. Всколыхнулось природное упрямство. Сказал озабоченно:

– Вчерне, товарищ генерал-майор.

Генерал Санин, не ожидавший такого ответа, поднял брови. Майор Полудолин, уловивший в словах комбата откры-

тый вызов, ожидал, что генерал вспыхнет. Но тот с виду остался спокойным, только глаза чуть сузились, стали пристально-внимательными.

– Прибедняешься? Ну-ну, – сказал он насмешливо.

Они вошли в класс. Прозвучала команда: «Товарищи офицеры!» Дружно грохнули о пол два десятка крепких ног.

– Товарищи офицеры! – сказал генерал деловито.

И снова обвально стукнули ноги, громыхнули сдвигаемые скамейки.

Генерал огляделся. Этот класс всегда нравился ему своей капитальностью. Все здесь выглядело надежным, сработанным на совесть.

Прочные столы. Тяжелые, устойчивые скамейки. На полках вдоль глухой стены образцы вооружения, используемого бандгруппами. Особенно широко представлено минно-взрывное оружие. Уж чем-чем, а этим добром радетели из НАТО снабжают душманов с несказанной щедростью.

На видном месте лежит крышка от патронной упаковка. На ней гитлеровские орлы и свастика. Какие-то доброхоты доставили подопечным душманам боеприпасы, оставшиеся на складах после крушения фашистского рейхсвера.

На стенах аккуратно вычерченные схемы типичных тактических приемов бандгрупп. Несколько плакатов, изображающих приемы разминирования и действий войск в горной местности.

Центральное место в помещении занимал ящик с песком.

На нем топографы с большим тщанием воспроизвели рельеф района, в котором предстояло действовать батальону.

– Готов, комбат? – спросил генерал, но тут же, видимо, вспомнив его недавний ответ, добавил: – Докладывай вчерне.

Генерал прошел к преподавательскому столу. Вынул из кармана записную книжку и сел. Поднял голову на Бурлака, который стоял рядом.

– Не жди. Начинай.

– Приготовьте карты, товарищи офицеры, – приказал комбат.

Сидевшие зашелестели листами.

Бурлак подошел к черной ученической доске и взял указку. Встал возле ящика с песком, держа указку, как карабин, к ноге.

Шелест стих.

– Готовы? – спросил Бурлак. – Найдите Дарбар.

Головы склонились к планшетам. Пальцы скользнули по бумаге, двигались и останавливались у нижнего среза листов.

– Есть Дарбар?

– Есть.

– Обратите внимание: населенный пункт разделен рекой Сафи на две части. Южная – это кишлак. Северная, горная часть – крепость. Здесь группа бандитских формирований зажала и блокировала афганский полк. Почему так про-

изошло, выяснять не нам. Главное – полк активно действовать не может. Лимитированы боеприпасы. Не хватает продовольствия. Усложняет положение то, что в крепости укрылась часть мирного населения. Женщины. Дети. Там же активисты народной власти уезда. По всем данным, душманы готовят атаку на крепость. Афганское правительство просит оказать Дарбару срочную помощь. Нам приказано деблокировать крепость и провести туда колонну машин с продуктами и боеприпасами. Вопросы есть? Вопросов нет. Пойдем дальше. Прошу следить по картам.

Снова зашуршали листы.

– Выход на Дарбар возможен по трем параллельным ущельям. Восточное – Шинкутал и западное – Торатанги для тяжелой техники и машин практически непроходимы. По среднему ущелью – Ширгарм – проходит автомобильная дорога…

Офицеры сосредоточенно разглядывали карты. Каждый старался запечатлеть в памяти очертания незнакомой местности, запомнить названия кишлаков, урочищ, перевалов, горных проходов, уяснить хитросплетение троп и дорог.

– Именно здесь, – указка Бурлака опустилась в одну из складок ящика с песком, – в Ширгарме, душманы готовят бой. Основа их обороны – сплошное минирование. Подготовлено две линии. Они оборудованы огневыми точками. Пристреляны рубежи. Попытка прямого прорыва грозит тяжелыми потерями. Ясно я излагаю обстановку?

Офицеры слушали молча. Каждый прекрасно понимал, что означало прорвать оборонительный рубеж в узком ущелье, прикрытом с флангов непроходимыми горными кряжами. Узкая дорога, вившаяся над бурным потоком, не позволяла развернуть подразделения в боевой порядок, не давала возможности нанести удар танковой техникой.

Майор Полудолин сидел задумавшись. Еще утром он осмотрел рельеф района действий. Правда, когда он подошел к ящику с песком в первый раз, макет на него не произвел особого впечатления. Но ефрейтор, лепивший горы и долины, помог ему быстро соотнести масштабы изображения с действительностью. В складке, которую легко было перекрыть ладонью, солдат указкой шевельнул деревянный прямоугольник, размером со скорлупу семечка подсолнечника. «Это, – пояснил он, – боевая машина пехоты». И сразу песчаные грядки обрели для Полудолина присущие горным хребтам величественность и могущество.

Сейчас, следя за движениями указки комбата, майор думал о том, что даже на макете видно, что в операции им будет противостоять не только огневая сила душманов, но и дикая, совершенно дикая природа.

Та предварительная подготовка, которую майор получил в Среднеазиатском военном округе, позволяла ему понять главное: в бою в горах побеждает тот, у кого остается запас сил, после того как им побеждены сами горы…

– Товарищи офицеры, – сказал Бурлак, – поскольку район

действий новый, действующие лица на нем нам незнакомы. Послушайте характеристики на некоторых главарей банд.

– Как тут у вас говорят по поводу таких характеристик? – спросил генерал Санин. – Ху есть кто?

– У нас в батальоне, товарищ генерал-майор, – ответил Бурлак серьезно, – в таких случаях говорят: «Кто есть ху».

Офицеры довольно хмыкнули.

– Хорошо, комбат, – сказал генерал. – Давай, кто есть ху.

Бурлак разобрал бумажки, разложил их в удобном порядке. Когда стихли шорохи, начал:

– Командует группировкой банд в районе некий Хайруллохан. Родился в 1930 году в кишлаке Уханлах. Отец землевладелец. Перед Второй мировой войной разорился, влез в долги. Сын получил начальное образование. После смерти отца вел разгульную жизнь. Еще больше отяготил семью долгами. Вступление в банду открыло возможность вернуть привилегии и прижать кредиторов…

Бурлак сделал паузу. Оглядел командиров, которые что-то сосредоточенно помечали в записных книжках.

– Теперь главное. Возьмите на особую заметку. Хайруллохан патологически жесток. В его банде повиновение поддерживается репрессиями. Труслив и крайне осторожен. Не доверяет до конца даже приближенным. В нарушение догм религии в момент намаза не оставляет оружия. Объясняет это тем, что так повелел сам пророк, который явился ему во сне. Принимая во внимание эти качества, считаю, что ожи-

дать встречи с самим Хайруллоханом на главном направлении – в ущелье Ширгарм – не приходится. Он возьмет для себя участок второстепенный и более сложный по рельефу.

– Чтобы уйти из-под огня или как? – спросил командир роты капитан Щурков.

– Или как, – за Бурлака ответил Санин. – Хайрулло всегда заранее думает об отходе. Его банду не раз зажимали, но сам он всегда уходил. Бросал всех и бежал. По имеющимся сведениям, он оставляет район боев сразу, едва запахнет керосином.

– Понял, товарищ генерал-майор, – сказал Щурков. – Разъяснение очень убедительное.

– Ну и нахалы у тебя, Бурлак, – притворно сердясь, сказал Санин. – Да что бы я ни сказал, все должно быть для вас убедительным. А меня еще и хвалят. Ну-ну!

– Разрешите продолжать? – не откликаясь на реплику, обратился Бурлак к генералу.

Тот кивнул.

– Считаю, что на главном направлении – в Ширгарме – придется встретить банду капитана Кадыра. Полное имя Мухаммад Кадыр Мир Мухаммад Ислам. Родился в 1948 году в кишлаке Насрабад, уезд Шиндан, провинция Герат. В 1954 году пошел в школу «Фулад Хосейн Кашефи». После шестого класса, в 1960 году, поступил в военный лицей. В 1966 году окончил его и был принят в военное училище. Учился на артиллерийском факультете по специаль-

ности ПВО. В 1966 году получил звание лейтенанта и назначение на должность командира взвода в семнадцатую пехотную дивизию. Позже командовал ротой. В 1977 году произведен в чин старшего капитана…

– Бурлак, – перебил комбата генерал, – ты сам-то когда училище окончил?

– В семьдесят седьмом.

Генерал встал. Прошелся по классу. Половицы поскрипывали под его ногами. Дошел до стены с доской, развернулся на каблуках. Вернулся к столу. Положил руку на погон Бурлака. Спросил:

– Не боишься встречи со старшим капитаном? Вон ведь какой стаж у него. Стреляный волк…

– Все-таки волк, товарищ генерал.

– Верно глаголешь. Волк. Но то, что зверь хитрый, учтите все.

Генерал сел.

– Продолжайте, – сказал он негромко.

– Во время службы Кадыр вступил в подпольную группу «Шоалейте джавид» («Вечный огонь»). Это авантюристы маоистского толка. Во время контрреволюционных событий в феврале 1978 года Кадыр взял на себя руководство мятежом в дивизии. Через три дня личный состав полков, поняв, что его обманули, заставили выступить против народной власти, снова встал на сторону правительства. По приказу руководства «Шоалейте» Кадыр дезертировал. Помимо

того, что он организовал мятеж, его вину отягощали кровавые расправы со сторонниками законной власти и партийными активистами. За время пребывания в душманских бандах Кадыр совершил сотни преступлений. Родственников на территории Афганистана не имеет. Семья проживает в Мешхеде, в Иране.

Генерал встал. Бурлак сразу замолчал, поглядывая на него.

– Скажу прямо, товарищи, оценивать эту фигуру надо правильно. Без шапкозакидательства. Бандит с военной подготовкой – явление опасное. Знания специалиста в сочетании с тактикой налетчика часто делают действия банды Кадыра непредсказуемыми. Опрометчиво кидаться на такого врага нельзя. Думайте, товарищи офицеры, над каждым своим шагом. Особенно часто Кадыр использует минно-взрывные средства и горную артиллерию. Решительный. Требует от банды быстроты маневра. Жесток. Предпочитает удары из-за угла и стремительные отходы. Пути отхода перекрывает засадами.

– Мрачная фигура, – заметил командир роты капитан Уханов. – Личные приметы известны?

– В плен взять хочешь? – спросил Санин. – Одобряю желание. Есть у тебя его приметы, Бурлак? Доложи.

– Высокий, худой. Прямой лоб. Большой нос с горбинкой. Усы. На левой щеке от уха до подбородка тонкий шрам. На правой руке нет мизинца.

– Угадаешь, Уханов? – спросил генерал.

– Так точно. Только бы встретить.

– Пошли дальше, – распорядился Санин.

– Особая бандгруппа. Командир Мухаммад Панах Сайд Муртазы. Родился в 1951 году в кишлаке Кокан провинции Парван. Отец – муллави Исмаил. Дед – Сайд Хосейи – был членом шайки грабителей, которую возглавлял известный в тех краях Хабибулла Джасур. К сведению, Джасур – в переводе значит «буйный, яростный». Панах окончил начальную и среднюю школы в уезде Души. В 1970 году поступил в школу «Зокур» уезда Поли-Хумри. В 1971 году примкнул к группировке Гульбеддина. С тех пор всеми средствами увеличивает свое богатство и влияние в движении, которое финансируют американские спецслужбы. При банде Панаха постоянно находятся два кинооператора-француза. Они снимают налеты банды на кишлаки, сцены расправ с населением. Фильмы передаются американцам. Те в свою очередь перепродают продукцию буржуазным средствам массовой информации. Именно Панаха Гульбеддин долгое время использовал в качестве начальника охраны своих плантаций в Пакистане, в зоне «золотого полумесяца».

– Ты поясни, что за плантации, – посоветовал Санин. – Или в справке этого нет?

– В справках, которые готовит ваш штаб, есть все, товарищ генерал.

– Ну-ну, Бурлак! – воскликнул Санин. – Надо же, как тон-

ко похвалил! Далеко пойдешь, комбат!

Офицеры довольно заулыбались. В умении подковырнуть комбат и генерал стоили один другого.

– У Гульбеддина на территории Пакистана, в районе от Парачипара до Читрала, размещен ряд плантаций наркотического мака и конопли. Это сырье для наркотиков. Бизнес на этом зелье дает мафии душманских главарей миллионы долларов ежегодно. Службу безопасности мафии и обеспечивал Панах.

– Разреши пару слов, – скромно сообщил о своем желании генерал.

– Да, пожалуйста, – сказал Бурлак и обратился к аудитории: – Потише, товарищи офицеры.

– Чтобы вы яснее представляли размах бизнеса на наркотиках, – произнес генерал, – назову некоторые цифры.

Он полистал записную книжку, нашел нужную страницу.

– Вот. В зоне «золотого полумесяца» работают около двадцати предприятий, изготовляющих гашиш, марихуану и другую отраву. Они обеспечивают примерно восемьдесят пять процентов поступления героина в Западную Европу, около половины наркотиков, которые завозят в Соединенные Штаты. Гульбеддин крупный, но не единственный поставщик отравы. «Героиновым королем» в западной печати называют душманского главаря Гилани. Он контролирует огромную сеть опиумной мафии. Так что Панах не обычная пешка в бандитских акциях. Здесь, в Афганистане, он ко все-

му представляет интересы торговцев наркотиками. Это тоже имейте в виду.

Генерал отложил записную книжку, спросил Бурлака:

– У вас есть еще что сказать? Продолжайте.

– Есть еще один фигурант, – сказал комбат. – Мухаммад Сайд Падшах Мухаммад. Родился в кишлаке Сефидчахор уезда Пандшер провинции Парван. Богатый бездельник. Учился, но не окончил ни одного учебного заведения. Отец был генералом королевской армии. Сайд Падшах имеет большие связи в реакционных военных и религиозных кругах. Пользуется доверием вождей эмиграции. Является заместителем Хайруллохана по военным вопросам. Банда пополняет свой бюджет за счет жестоких поборов с населения. Налагает штрафы на кишлаки за общение с «красными». Полагаю, что Сайд Падшах может получить позиции в ущелье Торатанги.

Бурлак отложил бумаги. Оглядел офицеров.

– До обеда прошу внимательно изучить обстановку по материалам, которые выдаст начальник штаба. Детально разберитесь в рельефе и особенностях местности района. Особое внимание командира первой роты – ущелье Шинкутал. Вам ясно, капитан Уханов?

С места тяжело поднялся широкогрудый офицер с мрачным выражением лица. Ответил глухим басом:

– Так точно.

– Садитесь. Командиру второй роты освоить Торатанги.

Ясно, капитан Ванин?

– Так точно, – голосом опередив вставание, доложил легкий, быстрый в движениях офицер.

– Садитесь. Капитан Щурков, вам остался Ширгарм. Главное направление. Думаю, вы уже догадались.

– Так точно, – рывком поднявшись, ответил Щурков. Худенький, жилистый, он был ростом меньше других офицеров, но все знали мнение комбата: мал золотник, да дорог.

Генерал встал и вышел из-за стола. Сказал задумчиво:

– Гляжу я на вас, товарищи, и думаю: трудно Бурлаку с вами. Верно? Все ротные – капитаны. Все – зубастые. Управу-то он на вас хоть имеет?

– Он имеет, – густо прогудел Уханов. – Он такой.

– И все же надо облегчить положение комбату. – Генерал молча оглядел аудиторию. – Короче, этот вопрос обсуждался в Москве, и там его решили. Капитану Бурлаку присвоено звание майора.

Все загудели, заулыбались. Бурлак, удивленный неожиданной и приятной для него новостью, растерянно смотрел на генерала. Тот вынул из кармана пару новеньких майорских погон и протянул комбату.

– Владей, Александр Макарович. Поздравляю!

– Тут бы не помешало и другое, – раздался чей-то озорной голос.

Генерал среагировал мгновенно:

– Тут-то как раз и помешало бы. Бурлак! Чтобы ни-ни!

Сразу все стихло. Генерал взял у комбата указку, которую тот так и не оставлял, подошел с ней к ящику с песком.

– До Дарбара, товарищи офицеры, сто двадцать километров. Прогулка для ваших машин на три часа. Верно, товарищ майор?

– Так точно, – ответил Бурлак, еще до конца не относя к себе новое звание.

– А идти вам дано три дня. Восемьдесят километров по «зеленке» – за один день. На остальное – два дня. И главная задача – дожить до Дарбара. Дожить во чтобы то ни стало.

Бурлак усмехнулся:

– А кто воевать будет, товарищ генерал-майор?

– Ты и воюй. Но помни главное – дожить до Дарбара. Других задач не ставлю. При этом советую помнить: сопровождение колонны – дело… – Генерал вдруг замолк. Улыбнулся, тряхнул головой: – Чуть не сказал «почетное». Но об этом замполит скажет. Он у вас новый. Три дня уже есть? Ну, вот и не стану у него хлеб отбивать. Только напомню: дело опасное, сложное, ответственное. Разделить всю ответственность за исход операции мне с вами не дано. Нести большую часть ответа положено единоначальнику. Остальное вам – пропорционально. Зато две другие категории зависят от вашего командирского искусства. Надо напряженно думать и чисто работать, чтобы любой риск свести до минимума. Предстоит подготовить техническое обеспечение операции. Организовать взаимодействие по времени и рубежам. Продумать ме-

лочи. Уменьшить сложность насколько возможно. Это ваше дело, товарищи офицеры. Ваше!

* * *

Они вышли из класса втроем – Санин, Бурлак и Полудолин.

– Чаем напоишь? – спросил генерал и, закинув руку, крепко растер шею. – Жмет что-то сегодня. Одна надежда на твой чайник.

– У меня самовар, – скромно похвастался Бурлак.

– Да ну! – обрадовался генерал. – Говорил ведь кто-то – не поверил. А от самовара уезжать – просто неумно.

– Козюрин! – крикнул Бурлак. – Самовар!

Они расположились в штабе батальона. На стол вместо скатерти набросили чистую, хорошо проглаженную простыню. В глиняных плошках поставили фруктовый сахар, изюм, инжир. Появились из сусеков комбата чайные чашки Дулевского завода – широкие, веселые, расписанные золотыми цветами.

Генерал чаевничал с большим знанием дела. Он с удивительной домашностью прихлебывал чай из чашки, аккуратно брал с блюдца кусочки сахара, надкусывал, клал на место и снова прихлебывал. Лицо его, порозовевшее от удовольствия, вроде бы даже утратило часть той суровости, которая для всех делала его генералом и служила частью привычного

вида, как пропыленные погоны с большой звездой.

– Кто заваривал? – спросил генерал, одновременно показывая большим пальцем, опрокинутым вниз, что просит еще налить ему чаю.

– Я, – ответил Бурлак, подвигая чашку к кранику. – Что, плохо?

– Наоборот. Так хорошо, что майора тебе можно было и раньше присвоить.

– Большим начальникам хорошо шутить, – сказал Бурлак, обращаясь к Полудолину, – им что…

Санин отставил чашку и засмеялся.

– Большой начальник? А ты их видел, больших-то? Какая у меня машина – знаешь? А больших начальников делает большая машина. Представляешь – черная громадная бандура. Открывается дверца – как ворота. Садишься, кладешь щеки на плечи. И повезли тебя. По асфальту. Может, забыл, как мы с тобой на Чарикаре в арыке ползали? Или такого не было? Ценю деликатность. Тактичному майору жить легче. А я забыть не могу. При генеральском-то достоинстве носом в тину…

– Не было ничего такого, товарищ генерал, – успокаивающе сказал Бурлак. – Замполит человек новый, невесть что подумать может. Плохо это.

– Я уверен, он человек думающий. Вот ты ему и подкинь материал для размышления. Пусть осмыслит привратности бытия.

– А почему я подкидывать должен? – спросил Бурлак с сомнением.

– Слыхал, что ты реалистично тот случай изображаешь.

– Треплются, – сказал комбат решительно. – Один раз както по свежим следам рассказал. Давно было.

– И теперь расскажи. Пусть не стареет история в памяти. Чего стесняться? Был ведь факт, как его отрицать? Все равно ведь когда-нибудь просветишь замполита. Не может быть, что умолчишь. А так при мне хоть выражения выбирать будешь. Короче, рассказывай.

– Я ведь тогда и про песню, – сказал Бурлак, бросая какой-то неизвестный Полудолину козырь.

– Все как есть, – подтвердил генерал. – Только сперва подними руку. И как там это: «Клянусь говорить правду, одну только правду…»

– Было это на чарикарской «зеленке», – сказал Бурлак, обращаясь к Полудолину. – И сложилась обстановка, что с меня генерал Санин стал снимать стружку. Не грубо, а мастерски. Тоненько. Можно сказать, этак бархатно. Для шлифовки натуры. Стояли мы под раскидистым ореховым деревом. Вдруг как жахнет! Метрах в пятнадцати…

– Будет тебе пугать, – перебил генерал ворчливо. – Я себя убедил, что метрах в восемнадцати было. Теперь ты уже ближе кладешь.

– Виноват, – сказал Бурлак. – Жахнуло, как товарищ генерал говорит, метрах в восемнадцати. Сверху на меня ли-

стья ворохом посыпались. Но стою. Меня ведь строгают. С места сойти не имею права. Вдруг гляжу, генерала нет. Не успел сообразить, где он, слышу, вторая мина подвывает. Я как был, так с ходу и нырнул вниз головой. В арык. Сверху – жах! Поднимаю голову: товарищ генерал позицию рядом держит. Вид, я скажу…

– Ты не стесняйся, не стесняйся!

– Нет, товарищ генерал, я про себя. Это не так опасно. А ваш портрет, боюсь, испорчу. Короче, я был хорош. Арык неглубокий. Воды в нем воробью по колено, а грязи – лошади по пузо. Вот и влип в эту жижу по горло. Ползаю, а поверху мины лупят. Был бы один, а то рядом начальство. Можно сказать, товарищ генерал меня отшлифовал до блеска, а я на его глазах снова в грязь.

– Но-но, Бурлак, – строго заметил Санин, – не хами. Излагай только суть событий.

– Так вот, лежим мы, значит, рядом, а генерал вдруг говорит: «Вылезу из этой ямы, отмоюсь, штаны поглажу и сажусь писать в Верховный суд заявление». Я не сразу понял и спрашиваю: «На кого и по какому поводу?» «А на тех наглецов, – это генерал говорит, – которые сочинили песенку: “Как хорошо быть генералом”. Я их к ответу привлеку». Я говорю: «Уже поздно. Народ ее вовсю распевает». – «Ничего не поздно. Важно справедливость восстановить. Если не засудят, то хоть слова изменить заставят». «Как?» – спрашиваю. «А пусть поют: “Как нелегко быть генералом…”»

– Надо же! – смеясь, сказал Санин. – Говорили мне – не верил. Думал, присочиняет Бурлак. А он и в самом деле упомнил, как было. Ну-ну!

Санин помолчал, хитро поглядывая на комбата. Потом обратился к Полудолину:

– Слушай, замполит. Только по-честному. Не возникает ли у тебя мнение, что Бурлак немного завидует своему генералу? Впрочем, разве ты признаешься?

– Отчего же, – сказал Полудолин. – Думаю, в генералы он не прочь.

– Законное желание, Бурлак. Если без шуток – одобряю. И все же не рвись раньше времена. Выигрыш от этого невелик.

– Плохо верю, – сказал Бурлак скептически.

– Не веришь? Тогда покажу по пунктам. Во-первых, выигрыш. Получишь по сравнению с полковником двадцать рублей прибавки. Не больше, можешь поверить. Проигрыш – двухсотпроцентный рост расходов. Сам понимаешь, приходят гости к тебе – это одно. Придут к генералу Бурлаку – другое. Тут расстарайся, а себя покажи. Иначе скажут: генерал-то – скряга. Во-вторых, сколько у тебя племянников? Двое? Станешь генералом – появится еще пятеро. Как пить дать. Могут найтись и внебрачные дети. Нет таких? А я разве сказал, что есть? Говорю: могут найтись. Для молодых генералов это типично. Я сам два письма получил. Почти одинаковые: «Не вы ли мой отец?» Правда, аллах миловал. Оба претендента оказались чуть постарше меня. Пойдем дальше.

Впрочем, не пойдем. Ты холостой, и тебя это не заинтересует.

– Я женат, – сказал Полудолин. – Так что уж, пожалуйста, удовлетворите любопытство.

– Дальше проигрыши по жене. Одно дело – полковница. Ну, кто-то может из вредности назвать подполковницей. Ерунда! А вот когда станет генеральшей!.. Моя супруга сразу разницу уловила. Говорит: раньше благозвучней было: райская птица, полковница, секретарица. А теперь – серая мыша, парикмахерша, маникюрша…

– Почему же секретарица? – спросил Полудолин. – Секретарша.

– Э нет. Секретарица – жена секретаря. А секретарь секретаря – секретарша.

– Ясно.

– Раз ясно, поговорим о деле… На подготовку вам два дня. Используйте их с толком. Дарбар – орешек крепкий. Там, судя по всему, какие-то страсти у «духов» разгораются. Надо их пресечь в корне.

– Сделаем, товарищ генерал, – сказал Бурлак. – Разве вас мотострелки подводили?

– На то и надежда. Ты у нас фигура заметная. Не возгордишься, если один факт доложу?

– Думаю, нет.

– В одном из душманских донесений о тебе писали: «Этот сипасалар только для маскировки носит знаки турэна».

– Турэн – капитан, знаю. А сипасалар?

– Это военачальник. Не командир, а именно военачальник. К примеру, меня они так еще не называли.

– Назовут. Все еще впереди.

– Смотри, какой добрый сипасалар! А может, мне хочется, чтобы назвали спасаларом?

– А это что? – спросил Полудолин.

– Это куда скромнее, просто – полководец.

Все трос засмеялись.

Потом комбат и замполит проводили генерала до машины. Уже садясь в нее, Санин пожал руку Бурлаку:

– Помни, майор, главное для тебя и твоих орлов – дожить до Дарбара.

– Постараемся, – ответил Бурлак и посуровел: – Нелегко это, но приказ есть приказ.

– Ну, ни пуха!.. – И генерал захлопнул дверцу.

– Он меня удивил, – сказал Полудолин, когда машина отъехала. – Это что, задача – дожить до Дарбара? Сказано, будто пионерам на уборке картофеля: убрать отсель досель, но не перетрудиться. Чтобы животики не заболели. Я так не привык. Мы воюем, и жертвы неизбежны.

– Оставь! – сказал Бурлак строго. – Сейчас об этом некогда. После всех дел поговорим.

Шайтан огня

Кишлак Уханлах.
Район действий банды Хайруллохана

Красивый гнедой жеребец, тяжело переступая стройными ногами, нес на себе мрачного седока в шелковой черной чалме.

Саркарда[4] Хайруллохан, главарь душманской группировки, был с утра зол и гневался на окружающих по пустякам.

Огромный, грузный, как деревянная колода, из которой у колодцев поят баранов, он сидел на коне, разопревший от съеденного час назад мяса, и сопел, ощущая, как бродят внутри его соки и газы.

Лицо у Хайруллохана корявое, будто вылепленное скульптором, который поленился доработать свое творение до конца – убрать грубые мазки, разгладить морщины. Густые брови охватывали подлобье широкой черной дорожкой, не оставляя привычного пробела на переносице.

Низкорослый, широкогрудый, он сидел на коне, раскорячив кривые ноги, непривычные к пешему ходу. Свои короткие пальцы саркарда украшал массивными перстнями с камнями-печатками. Он любил дышать на них, потом тер о полу одежды и, отставив руку, любовался игрой камней.

---

[4] Саркарда – атаман (*пушту*).

Кроме пристрастия к еде и дорогим камням, все меньше оставалось у Хайруллохана радостей в жизни. По ночам ему снились кошмары, и он вспоминал тех, чью кровь пролил, как воду, кого приказал зарезать, замучить, сжечь. Но чем чаще ему вспоминались жертвы, тем более жестоко он относился к другим, кто попадался ему в руки. Так новой кровью старался он смыть с рук запекшиеся пятна старой.

Не ладилось и со здоровьем: обжорство и излишества давали о себе знать. Без того не очень опрятный, жирный и перхотливый, он пропах острым запахом мочи и пота, и люди, с которыми ему приходилось иметь дело, только из страха не отходили от него подальше и не зажимали нос.

Сейчас, въезжая в родной кишлак, где его знали и помнили с детства, Хайруллохан принял вид царственный, надменный.

Он сидел на коне вольно, слегка избоченясь. Левой рукой небрежно держал повод, правой, с плетью, опирался о бедро. Слева и справа от него гарцевали верные подкопытники, готовые по первому знаку бить, убивать, казнить своих и чужих, правых и виноватых.

Из затхлого тупичка, зажатого между дувалами, на дорогу выкатилась шаром рыжая лохматая собачонка. Заливисто лая, она бросилась наперерез лошадям. Конь Хайруллохана дернулся, фыркнул. Личный телохранитель саркарды Хамид, ехавший справа, повел рукой.

Грянул и прокатился по уличному коридору раскатистый

выстрел. Собачонка, отброшенная ударом пули, ошалело взвизгнула и в последнем своем мучении опрокинулась у серого камня, что лежал вблизи дувала.

Никто не проронил ни слова.

По кишлаку ехали хозяева. Ехали карать и миловать. Каждая собака должна была знать и свято помнить об этом.

Хайруллохан признавал только силу. Да и как он мог поступать иначе?

Закон гор – сила. Значит, надо всегда быть сильным. Хочешь видеть себя первым, будь сильнее других, не уступай ни в чем никому. Он понял это раньше многих других и ушел со своими людьми к американцам.

Переговоры с ними вел открыто, не таясь. Там, в Пакистане, он сказал мистеру Каррингтону прямо: «Вот я, вот мои люди. Мы умеем многое. Дайте нам оружие. Подкиньте денег. Признайте мою самостоятельность в рамках своих планов. Не позволяйте другим бекам раздавить меня».

Всю силу мускулов он превратил в напористость. И добился своего. Мистер Каррингтон понял – другого такого подручного найти будет не просто, даже если очень пожелаешь.

Своими жестокостями Хайруллохан наводил на местное население дикий ужас. Его звали Хайрулло-Табар – Хайрулло-Топор. Узнав об этом, он втайне возгордился таким именем. Считал, что только жестоких властителей народы возводят в своей памяти на пьедестал величия.

Какой царь, шах, король, какой полководец добрый и ве-

ликодушный остался в памяти людской, записан в книги истории? Нет, таких Хайрулло не знал. Правда, он и не читал многого в своей жизни, но уши его всегда были открыты. И ни одно доброе имя в них не вошло, ему не запомнилось. Врезались в память, будили чувства только воспоминания о жестоких и безжалостных. О тех, чья слава замешана на крови, кто в равной мере резал и лил без сожаления кровь врагов и тех, кто считался его друзьями. Таких вот и помнит история. От Искандера Двурогого, великого завоевателя мира, до этого… с черными усиками, звали его, кажется, Гитлер…

И все же одна только жестокость не помогла Хайрулло-хану воздвигнуть себе тот трон, о котором он так мечтал. Сколько ни старался – кровь из зубов! – а выбиться в лидеры душманского движения не смог. С порога, где начиналась лестница в большую политику, ступени устилал ковер из долларовых бумажек. А их в таком количестве у саркарды не имелось. Было кое-что, но не сравнить с тем, что мог затратить на свои авантюры Гульбеддин Хекматиар или Сайед Ахмат Гилани, будь прокляты имена этих пожирателей трупов! Ожиревшие на крови и наркотиках, эти богачи никому не позволяют пробиться вверх, встать с ними вровень. Те, кто хоть чем-то прогневал вождей, исчезают мгновенно и бесследно.

В окружении Гульбеддина все определяет умение плести интриги, наушничать, святошествовать и, конечно, подстилаться половиком перед вышестоящими.

Со злобой думая о тех, кто попирал его, Хайруллохан сам насаждал вокруг себя угодничество, пригревал пресмыкавшихся, безжалостно карал самовольных и самостоятельных.

Паук есть паук, и когда ему в сеть не попадаются мухи, он готов сожрать собрата, явившегося в гости.

Хайрулло был пауком думающим. Он предвидел, что его могут смять, и, размышляя о будущем, в последнее время тревожился все больше. Те, кого душманы долгое время считали мухами, все более походили на ос, защищающих родное гнездо. Их все опаснее и опаснее становилось тревожить.

Недавно в кишлаке Друнд жители встретили огнем группу людей Хайрулло. Пять человек было убито, десять ранено. Саркарда, узнав о случившемся, хотел сам пойти в Друнд, огнем и мечом покарать дерзких строптивцев, но ему доложили, что в кишлак направили отряд правительственных войск. Кару пришлось отложить.

Больше всего в этой истории Хайруллохана бесило то, что оборону против его муджахидов в Друнде организовали женщины. Это они встретили огнем и отбили его отряд.

В кишлаке Смец босяки-крестьяне задержали его разведчиков и передали царендою.

«Мухи» все больше ощущали силу и сопротивлялись. Может быть, все же верна пословица, гласящая, что Афганистан – улей, где много злых пчел и мало сладкого меда?

Раздражало, даже приводило в бешенство Хайруллохана и то, что в последнее время люди, приходившие из Пакиста-

на и передававшие поручения из душманских центров, все меньше считались с его собственными интересами. Вчера, к примеру, прибыл с той стороны сам полковник Исмаил, человек, облеченный большим доверием американцев. Не допуская никаких возражений, он потребовал от саркарды активизировать действия и взять Дарбар.

– Вы его возьмете, – говорил полковник Исмаил. – В это верят наши американские друзья. С вашим искусством такая операция – сущий пустяк.

«Я возьму, – думал Хайрулло, – и останусь совсем один, без войска. Грош цена погонщику, который теряет свой караван».

Они долго спорили и торговались.

Полковник Исмаил обещал пополнить отряд в случае больших потерь.

Хайруллохан клялся, что ему дорог каждый его муджахид и пополнение ничем не восполнит его скорби по потерянным соратникам.

Полковник Исмаил обещал саркарде вдвое увеличить личный приз, который полагался победителю в случае успеха.

Хайрулло согласился принять пополнение, но сказал, что сомневается в успехе операции.

Тогда полковник Исмаил бросил на чашу весов еще одну гирю. Он сказал, что действия саркарды поддержит род Абдулл Кадыр Хана, который до сих пор занимал нейтральную

позицию.

Хайрулло понимал, что от его согласия или несогласия мало что зависело в планах, которые излагал полковник Исмаил. Стоит лишь отказаться от подчинения, и ты человек пропащий. Гульбеддин и другие вожди найдут способ убрать ослушника.

Саркарда согласился, выторговав все возможное для себя. Но на сердце покоя не было. Будущее беспокоило Хайрулло-хана. Более того – пугало…

Всадники, миновав тесную улочку, выехали к дукану.

Любой дукан – не просто торговая точка в глухом кишлаке. Это прежде всего центр общения местного населения, кладезь окрестных сплетен и международной информации.

Выбираясь из домов, окруженных крепостными стенами высоких дувалов, афганцы идут прежде всего в дукан. Там встречаются знакомые со знакомыми, туда заходят приезжие, привозящие известия издалека.

Из дуканов выползают и стелются по кишлакам «мишмиш» – деревенские сплетни. Здесь рождается общественное мнение, и порой не так-то просто бывает распознать, что его формирует не кто иной, как хитрый дукандор – фигура не менее значащая в иерархии местных персон, чем сам мулла.

Духовный настрой в кишлаке во многом зависит от того, какую политику проводит дукандор, какие убеждения он исповедует.

Зариф, дукандор кишлака Уханлах, был мучеником собственной зависти и неумеренной жадности. В ином случае ему бы посочувствовали, но вряд ли можно найти змею, которая пожалела бы мышь. А Зариф был для всех истинным аспидом.

В родном кишлаке он всех опутал кольцами, всех сосал, беспощадно вытягивая последние соки. Он пользовался властью денег, которые у него водились, беззастенчиво и жестоко. Мог пустить по ветру строптивого должника, но мог и бросить подачку оказавшемуся в нужде батраку, с тем чтобы еще крепче опутать его долговой кабалой.

Но как бы ни поступил Зариф, слава о его справедливости передавалась из уст в уста. «Конечно, – говорили близкие дукандору угодники, – Зариф покарал босяка Азамата, но разве он не назвал благодетеля гиеной?»

Приходилось всем остальным, слушающим такие слова, кивать с одобрением: «Да, нехорошо поступил Азамат. Нехорошо. А Зариф справедлив!»

Попробуй не кивни при таком разговоре, не поддержи хвалу – Зарифу доложат немедленно. Стоило ли испытывать судьбу и гневить сильного, если Азамату все равно ничем не поможешь?

Дехкане-базгары не любили, но боялись Зарифа. Зариф не любил, но боялся базгаров. Боялся и не терпел он и Хайруллохана. Не терпел и в то же время понимал: сгинут душманы – ему самому конец.

О том, что саркарда со своими дарамарами[5] въехал в кишлак, Зарифу стало известно раньше, чем Хайрулло достиг дукана.

Дукандор встретил гостей у входа в свое заведение. Он низко поклонился Хайруллохану, прижимая обе руки к животу. Распрямившись, поднял круглое, как блин, лицо, расплылся в угодливой улыбке.

– Аллах да благословит ваше прибытие, великий сипасалар! Всякий раз, когда вы со своими воинами появляетесь в нашем кишлаке, словно месяц в свите великолепных звезд, все правоверные дышат свободно и радостно. Меч Аллаха в верной руке…

Хайрулло слушал льстивые речи, не скрывая презрительной улыбки. Он слегка горячил скакуна, и дукандору приходилось крутить брюхатым телом и арбузоподобной головой, чтобы все время видеть глаза саркарды душманов.

Этих двух людей давно связывали сложные отношения. Лет десять назад вот так же заискивающе крутил головой Хайрулло, обращаясь к дукандору, который промышлял ростовщичеством. Занятие это для мусульманина запретное. Ислам не разрешает правоверному брать проценты с единоверцев. Но когда мелкому землевладельцу позарез нужны деньги, находятся любые оправдания, чтобы обратиться к ростовщику. Больше того, никто и не помыслит донести на нарушителя заповеди. В случае доноса ростовщика нака-

---

[5] Дарамар – бандит (*дари*).

жут, но его собратья сделают все, чтобы задушить доносчика долгами, пустить по ветру. А то и наймут умельца с ножом – для верности.

Вступив на путь бандитизма, Хайруллохан открыл для себя источник средств, с которых не берут процентов. И многое в его жизни переменилось. А когда он возглавил группу банд, ростовщики уже считали за честь, если им удавалось прикоснуться к носку его сапога. В своих руках саркарда нес смерть непокорным. Взяв оружие для «защиты» веры, Хайруллохан мог сам назначать ее врагов и определять им кару.

– Благослови аллах ваше прибытие, сипасалар, – славословил дукандор. – Только вы можете выжечь скверну, взошедшую в садах правоверных…

Саркарда по голосу Зарифа понял, что тот имеет в виду не скверну вообще, а кого-то конкретного, кто живет в кишлаке и чем-то досадил дукандору. Вся нечисть чувств, бродивших в душе с утра, вскипела и выплеснулась гневом, Хайрулло звонко хлестнул себя плеткой по голенищу.

– Где?! Кто?!

– К кузнецу Ассияру приехал сын из Кабула. Смутьян и вольнодумец. Я думаю…

– Не утруждай себя, Зариф. Думать буду я.

Хайрулло снова щелкнул себя плетью по сапогу. Пусть все видят, каков он в своей строгости. Пусть видят все, что тому, кто несет меч Аллаха, необязательно выяснять степень вины согрешившего. Важно лишь указать грешного, а уж саркарда

сам определит тяжесть наказания. Велик Аллах! Ревностны его слуги!

– Хамид, – не поднимая голоса, повелел Хайрулло, – двух человек. Взять и привести сюда сына кузнеца Ассияра.

С места сорвались и поскакали по тесной улице два дарамара. Ах, какие они у Хайрулло послушные и старательные! Только прикажи – враз схватят неверного, притащат, бросят к ногам. Моргни – тут же разорвут того на куски, выпотрошат кишки, затопчут в грязь!

Некоторое время спустя муджахиды вернулись. Подталкивая в спину стволами автоматов, они гнали впереди себя связанного босоногого парня.

– Он? – брезгливо спросил Хайрулло, указывая на пленника плеткой.

Арбузоголовый дукандор угодливо изогнулся тучным телом, оскалил зубы в улыбке.

– Он, великий хан! В нашем кишлаке все его знают. Он!

Приблизившись к саркарде, дукандор отер рукавом носок его сапога.

– Нурмат! – позвал Хайрулло. – Приготовь нам свой адский огонь.

– Гы, – осклабился гнилозубым ртом лохматый Нурмат и, пришпорив коня, помчался искать принадлежности для страшного обряда, которого так жаждал саркарда.

Хайрулло тронул коня и приблизился к пленнику. Парень стоял, опустив голову. Руки, заложенные за спину, связывала

черная волосяная веревка. Лицо украшали кровоподтеки и ссадины. Его, должно быть, протащили по каменистой земле. Босые ноги почернели от грязи.

– Ты продался неверным, сын кузнеца Ассияра? – спросил Хайруллохан. – Правда ли это?

– Я не сын кузнеца Ассияра, – ответил парень. – Я сын охотника Шахзура.

Саркарда понял – муджахиды схватили не того человека. Возможно, ошиблись, а может, просто и не искали. Считали, что можно приволочь первого, кто попадет на глаза. Наливаясь бешенством, Хайрулло повернулся к дукандору:

– Зариф! Когда ты раскрываешь рот, не закрывай глаза! Разве это сын кузнеца?!

Дукандор вскинул вверх обе руки:

– Великий хан, да благословит Аллах ваши дни! Скорпион ничем не лучше тарантула. Зачем вам обременять себя ловлей обоих? Сын кузнеца – студент, а сын охотника – учитель. Разве это не одно и то же?

«В самом деле, – подумал Хайрулло, – разве не Аллах пишет строки в Книге жизни? Значит, глупец, который попал мне в руки, приговорен Всевышним. Будь он без вины, разве ему бы выпало попасть на глаза муджахидам? Всемилостивый сам бы отвел беду».

Чуть привстав на стременах, саркарда оглядел людей, собравшихся возле дукана. Поднял руку, призывая к вниманию. Жеребец, испуганный этим движением, заартачился,

заходил на задних ногах, пытаясь встать на дыбы.

– Правоверные! – возгласил Хайруллохан, осадив коня. – Отцами нашими сказано, что хороший плод не падает далеко от родного дерева. Только семена сорняков таскает шайтан по всей земле. Разве вы видели, чтобы миндаль или гранат катался в степи, как куст колючки? Почему же ваши дети уподобляются сорнякам? Почему вы разрешаете им уходить в города, набираться там дерзости и безверия? Они уже не хотят служить вере. Они топчут зеленое знамя ислама. Но мы, стражи веры, не прощаем отступничества. Человек, съевший змею, сам становится ядовитым. Таких ждет только одно – смерть!

Произнося речь, Хайруллохан даже вспотел от напряжения. Ему и самому нравилась мудрость, которую он изрекал в последнее время.

Давая себе передышку, он повернул голову к пленнику:

– Ты меня понял, сын шайтана?

– Нет, я не понял, о чем вы говорите.

Шорох прошел по толпе. Парень не боялся страшного душмана.

Саркарда нервно дернул головой. Он почувствовал, что люди сейчас думают совсем не то, что он пытался им внушить. А раз так, непокорность надо душить. Душить! Выжигать!

– Он не понял! Да ты и понимать не должен! – вспыхивая слепой ненавистью, закричал Хайрулло. – Главное, чтобы ты

знал: все люди в этом мире смертны. Час твоей кончины обозначен в Книге судеб. Чем больше ты будешь понимать, тем скорее настанет твой конец.

– Твой конец, проклятый ашрар, тоже настанет! – с ненавистью произнес пленник.

Хайруллохан дернул повод. Жеребец снова загулял, закуражился.

– Нурмат! – крикнул саркарда. – Ты готов? Начинай! Отожги поганцу язык!

Трое душманов набросились на связанного парня, повалили его и стали пеленать в белый саван. Двое других подкатили к месту казни три автомобильные покрышки. Поставили их вертикально. Внутрь каждой налили из канистры бензина. Всунули связанного парня в покрышки, как в обручи.

Пробиваясь сквозь толпу, стоявшую на улице возле дукана, к саркарде, громко стеная, подошла женщина. Это была старуха, худенькая, с лицом, потемневшим от невзгод. Она высоко поднимала в вытянутых руках книгу в потертом переплете.

– Великий хан! – упав на колени перед Хайрулло, слезно молила старуха. – Пощади сына! Помилуй! Мы все прах у твоих ног. Ты велик и светел! Пощади! Век будем помнить твою милость!

Кривоногий Хамид, горяча рыжего коня, оттеснил старуху от Хайруллохана. Потом быстрым движением ноги, обутой в сапог, выбил из ее рук книгу. От удара страницы раз-

летелись в стороны.

Старуха упала на землю, схватившись руками за голову.

– Вай-улей! – запричитала она в ужасе. – Эблис! Богохульник! Это Коран. Как ты посмел?!

Конь Хамида, гарцуя, втаптывал в прах одну из страниц, исписанных арабской вязью. Душман, ощерив зубы, взмахнул нагайкой и полоснул старуху сверху вниз вдоль спины.

– Шатайя! – рявкнул он. – Гулящая баба! Подстилка сатаны! Убирайся, пока я добрый! – И захохотал дикообразно.

В воздухе снова свистнула тяжелая плеть.

– Начинай! – приказал саркарда Нурмату.

– Отходи! – крикнул душман исступленно и, чиркнув спичкой по коробку, бросил огонек в шину.

Ухнуло, полыхнуло огромное пламя. Загудел, забушевал в шинах яростный костер. И сразу раздался истошно-дикий крик казнимого.

Люди, видевшие пылающее кипение огня, слышавшие нечеловеческий вой, полный ужаса, нестерпимого мучения, замерли, окаменели в шоке. Никто не двинулся, не произнес ни слова. Казалось, никто не дышал, окаменев.

Только мать несчастного ползала по земле и хватала за ноги коня саркарды. У нее уже не было сил кричать или плакать. Она только двигалась и шептала:

– Будь проклят Хайрулло – шайтан огня! Будь проклят!

Хайруллохан взял скакуна в шенкеля, подталкивая его к костру. Конь, пугаясь пламени, нервно перебирал ногами,

артачился, не желая приближаться к огню. Тогда саркарда достал пистолет и, не утруждая себя прицеливанием, трижды нажал на спуск. Крик стих.

– Я милосерден, – сказал Хайрулло в наступившей тишине. – Но вы теперь знаете, как выглядит грешник, попавший в ад.

Огонь продолжал полыхать. Душманы бензина не пожалели. Казалось, вокруг горят даже камни. Смрадный дым черными лохматыми хлопьями вырывался из закрученного ветром пламени и поднимался вверх по крутому склону горы, нависавшей над кишлаком.

Хайрулло пришпорил коня, слегка отпустил повод и коротким галопом поскакал прочь. За ним последовало окружение.

* * *

Главари бандгрупп собрались на совещание. Свой дом им предоставил дукандор Зариф.

Хайрулло злился и не старался этого скрывать. На совещание в Уханлах не приехал капитан Кадыр. Не потому, что был далеко или ему не позволили обстоятельства. Просто не счел нужным встречаться с Хайруллоханом. И все. Прислал вместо себя никчемного дурачка Гапура, чтобы лишний раз подчеркнуть, во сколько он ценит тех, кто стоит над ним.

Полковник Исмаил, успокаивая Хайруллохана, пообещал

сам поехать к Кадыру, сделать ему внушение и поставить задачу. Пакистанец всячески обхаживал саркарду, не скупился на посулы. Но Хайрулло все же сумел отыграться на самом пакистанце.

Полковник решил лично уточнить боевые задачи. В доме дукандора Зарифа, где готовился прием для главарей банд-групп, он развернул карту и стал объяснять, кому, где и что надо сделать для того, чтобы задушить Дарбар и не допустить подхода помощи с севера.

Хайруллохан подошел к столу, взглянул брезгливо на карту:

– Вы мне бумажки не показывайте, уважаемый господин. Аллах дал нам живую землю, и я знаю ее такой, какой она сотворена. В бумажке пусть разбирается Кадыр Хан. А я и так скажу своим, куда идти и что делать.

Командиры покорно склонили головы. Большинство из них также ничего не понимали в бумажках, и Хайрулло, презиравший карты, казался им своим, близким, понятным. Конечно, они выслушали все, что им пытался втолковать пакистанец, но, впуская его умные советы в одно ухо, выпускали их сквозь другое.

Когда полковник кончил говорить, слово взял Хайруллохан.

– Все поняли? – спросил он язвительно. – Так и поступайте. Наш друг очень хорошо знает войну. Его советы не имеют цены. Следуйте им в большом и малом. А теперь я скажу

вам, что еще надо делать.

Саркарда оглядел своих командиров и увидел их довольные лица. Все понимали: надо будет поступать именно так, как повелит Хайруллохан.

– Уважаемый капитан Кадыр, – сказал саркарда, – занял позиции на Ширгарме и прирос там задом к камням. Я не знаю, как его оторвать от них и повести на Дарбар. Но я спокоен. Шурави не пройдут через Ширгарм. А если капитан Кадыр побежит, то угощение в Ухаилахе его ждать не будет.

Командиры одобрительно закивали. Хайрулло с удовольствием думал о том, как Гапур доложит Кадыру, что говорили о нем. На сердце стало несколько легче.

С другими главарями Хайруллохан говорил мягко, вежливо, даже ласково, всячески выказывая особое к ним расположение.

– Вы, уважаемый господин Сайд Падшах, пойдете на Дарбар со стороны западных ворот. Пусть ударит разом вся топхана[6]. Я верю, сила Аллаха повергнет в прах стены, укрывшие неверных.

Сайд Падшах выступил вперед, прижал руку к животу и слегка поклонился. Вытянутое лошадиное лицо цвета мореного дуба не выражало никаких чувств, кроме сытости. Он выпячивал толстые, чувственные губы и только кивал в такт словам саркарды. При этом его нос, висевший над черными усами, большой, как средних размеров баклажан, зыбко по-

---

[6] Топхана – артиллерия (*дари*).

драгивал.

– Вы, благородный Мухаммад Панах, с вашими храбрыми муджахидами пойдете на крепость со стороны восточных ворот…

Круглолицый Панах, заросший бородой от ушей до глаз, величественно кивнул. Он считал, что джагра[7] не будет суровой. Осада уже истомила правительственных солдат, где им устоять против его бедовых муджахидов, рвущихся к поживе.

– Я вас понял, Хайруллохан.

– Бейте их, благородный Мухаммад Панах! Никакой им пощады! Аллах да пошлет вам удачу!

Он был подчеркнуто вежлив со своими головорезами, этот атаман, который всего час назад заживо сжег человека. Сжег, не дрогнув ни одним мускулом, не испытав иных чувств, кроме сладостного расслабления вялых мышц внизу живота.

Он играл в эту не привычную для него вежливость, чтобы чертов пакистанец ощутил всю глубину невежливости, обращенной саркардой к нему, гордому полковнику.

Окончилось совещание. Дукандор Зариф пригласил душманскую знать в сад, к арыку, где уже было приготовлено угощение.

Тут саркарду ожидал неприятный сюрприз. Пакистанец, выслушав приглашение, не изобразил на лице подобающей

---

[7] Джагра – битва (*дари*).

радости.

– Уважаемый господин Хайруллохан, – сказал он сухо и официально, – я вынужден уехать. Желаю вам успехов во имя Аллаха!

Полковник Исмаил держался подчеркнуто строго. Он не забыл язвительности, с которой саркарда разговаривал с ним, когда определялись боевые задачи. Теперь он мстил своим ответом. Все ясно видели, что представитель зарубежного руководства относится к Хайруллохану холодно. Значит, не ценит его. Это неизбежно приведет к тому, что саркарду перестанут ценить и те, другие, от кого зависит его судьба.

Хайруллохан мгновенно уловил перемену в поведении пакистанца. И тут же просчитал, что именно тот старается показать окружающим. Уж что-что, а просчитывать чужие ходы интриганы умеют безупречно.

Поняв, что может ему грозить, если пакистанец сейчас уедет, саркарда изменил тон и поведение.

Расплываясь в улыбке, тая злобу в показном радушии, Хайрулло сумел согнуть колодообразный стан в почтительном полупоклоне.

– Высокочтимый полковник Исмаил, – начал он медоточиво, – мы нижайше просим вас изменить принятое решение. Вожди боевых отрядов опечалены вашим скорым отъездом. Еще больше будет горечь муджахидов. Я обещал людям, что вы прочитаете проповедь. Это известие было встре-

чено с ликованием. Мы надеемся, высокочтимый гость, на ваше сердечное согласие.

Полковника Исмаила устраивал такой ход Хайруллохана. Он сейчас больше всего заботился о том, чтобы наступление на Дарбар началось. С успехом этого дела хозяева связывали большие надежды и планы. Допустить срыв штурма никак нельзя. Поэтому, сделав вид, что меняет планы, полковник все же сумел уколоть саркарду:

– Вы, уважаемый Хайруллохан, оказывается, не только мужественный сипасалар, но и светский ширинзабан[8]. Это удивительно в наше суровое время.

Главари вышли во двор, где под большим навесом хозяева уготовили пир. Все расселись в круг, заняв места, как обычно, по старшинству.

Рядом с Хайруллоханом справа и слева устроились командиры больших отрядов. Дальше уселись начальники групп поменьше, специалисты по разведке и минному делу, получившие подготовку в Пакистане.

Муллави, бледный, с лихорадочным румянцем на скулах, вознес хвалу Аллаху. Все погладили ладонями бороды и придвинулись к дымящимся блюдам. Поначалу ели молча, только сопели, чавкали, урчали. Огромный верзила со шрамом под носом подавился и начал икать. Несколько глотков воды не помогли ему, и он, отставив чашу в сторону, снова принялся за еду: пихал в рот плов, жевал, икал и глотал, да-

---

[8] Ширинзабан – сладкоречивец (*фарси*).

вясь.

Хайруллохан не обращал внимания на такие мелочи. Он знал, эти люди – волки, и чем больше в них сохраняется звериных инстинктов, тем спокойнее среди них ему самому. Его пугало, когда рядом появлялся умник. Такой пострашнее врага: он сразу начинал борьбу за власть, старался оттеснить всех других от вершины, которую положено занимать сильнейшему. С такими он расправлялся быстро. Этот икающий верзила и вершил суд Аллаха по указанию саркарды, убирая умников и всех тех, кто просто не нравился Хайруллохану.

Сам Хайрулло хорошо знал свои достоинства. Он выскочил вверх и уселся на спине слона власти не потому, что был слишком умен или грамотен. Он взял счастье силой и жестокостью. Но ведь может найтись еще такой же удачник. Нет, лучше уж пусть у него под рукой ходят злые, голодные, но не очень умные серые волки. На таких он легко найдет управу. Люди, как стадо, послушно идут за вожаком.

Лениво шевеля губами, блестевшими от жира, пережевывал мясо чернобородый блинолицый Мухаммад Панах. Он ни на кого не смотрел, а если и бросал взгляд, то вряд ли что видел. Его красные, налитые кровью глаза бессмысленно блуждали.

«Уже согрешил», – подумал Хайрулло и отвел взгляд в сторону. Он знал – Мухаммад Панах делит душу между Аллахом и алкоголем. Причем алкоголь все больше вытеснял

Аллаха из дел и помыслов когда-то истинного борца за веру.

О тайном пристрастии главаря крупной банды к питию спиртного знали даже в далеких кишлаках, где орудовал Мухаммад Панах. Между собой базгары называли его Шараби – пьяный, алкаш.

В иное время следовало бы сурово взыскать с пьющего как с отступника от заветов веры. Взять и отсечь ему голову. Было бы полезно это сделать для устрашения тех, кто готов променять веру в Аллаха на булькающую бутылку. Но Хайрулло сохранял вид, что ничего не ведает. Мухаммад Шараби – палач, костолом, насильник – также был верным псом и ни разу не показал зубов Хайрулло. Больше того, он готов горло порвать любому, кто осмелится поднять руку на саркарду.

В стороне, словно стараясь не маячить перед глазами Хайруллохана, крутя жирными пальцами большую баранью кость, аппетитно объедал с нее мясо Мобврак Шалла – Настырный Мобарак, начальник разведки банды. В прошлом ловкий торговец, промышлявший всем, чем можно – от золота до наркотиков, – он укрылся у душманов от правосудия.

Однажды в Герате, прельщенный возможностью легкой наживы, Шалла зарезал покупателя, явившегося к нему за товаром. Скрыть преступление не удалось, и Шалла бежал в Пакистан, объявив себя «борцом за веру». Там он пробился к руководству душманским движением, стал заниматься разведкой.

Поначалу дела у Шаллы шли неплохо. Используя старые торговые связи с дукандорами, мелкими торговцами на базарах, он сплел широкую мелкоячеистую сеть. Забрасывая ее даже без специальной цели, Шалла выуживал немало информации, интересовавшей как душманов, так и мистера Каррингтона.

Одновременно Настырный наладил доставку наркотиков в Западную Европу через Афганистан. Он получал товар, поставляемый душманскими караванами, из сусеков Гульбеддина и Гилани, затем небольшими партиями перепродавал его оптовикам в Герате, Кабуле, Кандагаре. Оттуда купцы, маскируя отраву в сухофруктах, отправляли ее в ФРГ.

Однако бизнес и разведка у Настырного шли все хуже и хуже. Набиралась опыта ХАД – служба афганской госбезопасности. Был разгромлен ряд душманских банд. По кончикам нитей, тянувшихся от них, контрразведка вышла на осиные гнезда Настырного и ликвидировала многие из них.

Советские таможенники обнаружили нисколько крупных транспортов с наркотиками, переправленными на Запад Настырным. Канал, который считался надежным, оказался перекрытым.

Чтобы убрать Шаллу с глаз, душманские вожди определили его в банду Хайруллохана. И здесь Настырный понял – карьера его пошла к закату.

Самолюбивый Хайруллохан встретил назначенца, недавно бывшего в фаворе у великих вождей, с нескрываемым по-

дозрением и пренебрежением. Боевые неудачи своих банд он списывал на счет недостатков разведки. Шалла постоянно чувствовал нож Нурмата, палача Хайрулло, на своем горле.

Вот и сейчас, обедая в званом обществе, Мобарак Шалла ощутил на себе ненавидящий взгляд саркарды и пришел оттого в гадкое настроение. Что готовит ему этот старый пес, пропахший мочой? Конечно же, ничего хорошего.

Когда трапеза подошла к концу, Хайруллохан через достархан громко обратился к Шалле:

– Уважаемый Мобарак, прошу вас, подойдите ко мне.

На предательски ослабевших ногах, похолодев от недобрых предчувствий, Настырный приблизился к саркарде. Низко поклонился.

Борода не украшала его лица, лишь обозначала мужское достоинство. На рыхлом бабьем лице с отвислыми щеками она росла клоками, жесткая, будто одежная щетка, вытертая от частого употребления.

Шалла угодливо сгибался перед Хайруллоханом и прижимал руку к груди так сильно, что побелели костяшки пальцев.

– Я все чаще думаю, Мобарак, – сказал Хайрулло, растягивая слова. Все вокруг разом притихли. Только Мухаммед Шараби что-то жевал отрешенно, погрузившись в мир пьяных грез. – Я все чаще думаю, не перекинулся ли ты к неверным.

– Будь я проклят Аллахом!.. – горячо воскликнул Настыр-

ный.

– Чем же тогда объяснить, – властно перебил его Хайруллохан, – что шурави все чаще появляются внезапно и не там, где их ждут?

– Шайтан их помощник, великий хан! Будь они прокляты, эти неверные! – заскулил Настырный.

– Сегодня, Мобарак, мы начинаем великое дело. Если твои глаза и уши подведут нас, я не стану вести пустых разговоров. Уши, которые не слышат, – зачем они псу? Глаза, которые не видят, – зачем они верблюду?

– Великий хан…

– Не дрожи, Мобарак. Я тебя не стану казнить, – сказал Хайрулло брезгливо. – Я прикажу обрить тебе бороду и отдам в жены Черному Джамалу. Он тебя в два вечера обучит бабьему делу, коли ты не можешь заниматься мужским.

Дикий хохот разорвал напряженную тишину. Все были довольны. Ах, как умеет шутить этот Хайруллохан! Даже чопорный пакистанец – и тот улыбнулся. Угроза, прозвучавшая только что, понравилась ему своим поистине восточным духом.

– Ты сам, Мобарак, сам лично займись выяснением правды. Если шурави ударят муджахидам в спину, когда мы станем штурмовать Дарбар, считай себя женой Черного Джамала.

Низко кланяясь, Настырный попятился от саркарды и покинул пиршество. Надо было выполнять приказ.

После трапезы на небольшой площадке перед джуматом – кишлачной мечетью – душманы собрались на моление. Его проводил полковник Исмаил, надевший по этому случаю чалму.

– Алла, алла акбар! Арахим, арахман, маленкин, мустафир…

Полковник тянул молитву гнусаво, будто прогонял слова через нос.

– Арахим, арахман… – машинально повторяли за ним привычные славословия Аллаху молящиеся и оглаживали ладонями щеки.

Окончив молитву, полковник Исмаил поднял голову и посмотрел на собравшихся. Лицо его стало благостным, умиротворенным.

– Воистину сказано, – начал он проповедь, – ничто и нигде не скроется от глаз Аллаха. Он увидит во зле добро и различит зло, которое прикидывается добром. Насторожите, правоверные, уши ваших душ, и тогда добрые вести войдут в них без остатка. Перед порогом великого служения вере стоит каждый из нас в эту минуту. Борцов за веру сегодня разбудил и поставил на ноги священный призыв. Вы слыхали, должно быть, что неверные объявили о том, будто их полки уходят домой. Усмотрим суть этого дела, как велит Аллах. Воистину говорю вам – дело это поганое. Это зло, которое окуталось добром. Если тебя укусила змея, то, даже умирая, ты должен убить ее, не дать уползти ей в нору. И мы долж-

ны, как молитву, принять и повторять слова: «Все неверные пусть останутся в земле, на которую приходили».

– Верно! – разом выкрикнули голоса заводил, заранее назначенных Хайруллоханом.

Они сидели в разных углах толпы и следили не столько за словами, сколько за самим проповедником. Вот он свел и приподнял брови, и верные знаку подручные завопили:

– Алла! Алла акбар!

– Верно! Алла! – подхватили нестройно остальные душманы.

– Мы смело пойдем на битву и разорим гнездо нечестивых, которое зовется Дарбар!

– Разорим! – теперь уже более свирепо и дружно гаркнули душманы.

– Аллах велик! Вера зовет на подвиг! Кровь неверных – пропуск в мир вечного блаженства для муджахидов. Пусть каждый пришелец шурави ляжет в землю, на которой стоит! Джаза! Джаза![9]

– Джаза! Джаза! – яростно вторили сотни глоток. Молящиеся быстрыми тычками кулаков исступленно ударили, замолотили по воздуху. – Джаза!

– Важел! Убивать! – гаркнул проповедник истошно, заводясь и сам пьянея от ненависти.

– Важел! Смерть! – заревели душманы. Их кулаки снова взлетели вверх.

---

[9] Джаза – наказание (*фарси*).

* * *

Час спустя банды вышли в направлении на Дарбар.

По тайным тропам понеслись гонцы собирать все наличные силы на штурм.

Со свитой выехал в горы и Хайруллохан.

В то же время из кишлака Уханлах вышел старый охотник Шахзур. Когда Хайруллохан приказал казнить его сына, старик был на площади. Он не возмущался, не кричал, не жаловался. Он верил – что ни свершается, даже самое злое, – все это по воле Аллаха. Он лишь смотрел, как полыхает огонь, и молчал, стоя на коленях. По морщинистым, как кора старого дуба, щекам катились и высыхали слезы.

Когда душманы ускакали, старик так же молча, ни на кого не глядя, встал и, едва передвигая ноги, скрылся за дувалом своего двора.

Некоторое время спустя он вновь появился на улице с винтовкой за плечами, туго перепоясанный патронташем. Тяжело ступая, он двинулся по тропе, уводившей в скалы.

Темная фигура старика с ружьем, торчащим над правым плечом, долго маячила на фоне светлого неба, потом слилась с громадой хребта.

Майор Бурлак

Крепость Дэгурвэти дзалэй

Майор Полудолин вошел в штаб батальона и увидел комбата. Тот сидел за столом, подперев голову руками, пристально смотрел на лежавшие перед ним бумаги и что-то шептал.

– Александр Макарович, – сказал Полудолин, несколько растерявшись, – ты что?

Бурлак поднял глаза, посмотрел на замполита отсутствующим взглядом.

– Что с тобой? – встревожился Полудолин. – Все в порядке?

– А-а, – протянул Бурлак, возвращаясь в реальность. – Это ты, комиссар? Садись.

– Что с тобой? Я, знаешь, даже опешил немного.

– Привыкай, – сказал Бурлак и усмехнулся: – Комбат тебе достался с чудинкой.

Он положил ладонь на топографическую карту и аэроснимки, аккуратно разложенные на столе.

– Долблю, как перед экзаменом.

– Как долбишь? – не поняв, спросил Полудолин.

– Изучаю карту. Точнее, зубрю. Обычным школярским методом: бу-бу-бу. Район для меня новый. Любой душман,

родившийся в тех местах, знает каждую тропку, каждую осыпь, каждый провал. Чтобы не быть в дураках, стараюсь заиметь свои представления.

– Ну и как, преуспел?

– По мере сил. Кстати, можешь проверить.

Полудолин подвинул карту, нашел район, обведенный тонким синим овалом.

– Ущелье Торатанги, – сказал он. – Доложишь?

– Запросто.

– Тогда поехали.

– От «зеленки» дорога идет по ложу реки. Ширина устья ущелья около двух километров. Перепад высот на первых трех километрах от ста до трехсот метров. Это география участка. Теперь тактика. На начальном отрезке ожидать контакта с бандгруппой не приходится. Широкая долина дает нам возможность для маневра техникой, и душманы вряд ли рискнут навязать бой. При обнаружении минирования дороги можно двигаться поймой. В крайнем случае – по руслу. Здесь неглубоко, дно каменистое.

– Ну, комбат, – сказал Полудолин, – ты, я вижу, всерьез. Дальше не нужно.

– Как раз дальше и нужно, – не согласился с ним Бурлак. – Дальше все куда серьезнее. В трех километрах от горловины ущелья справа по ходу начинается глубокая складка. Она уходит к гребням отрога. Здесь можно подключить пешую разведку.

– А если в складке засада?

– Не будет, – уверенно сказал Бурлак. – Лощина слепая, с осыпями, с крутыми краями. «Духи» понимают – по ней мы не пойдем. Во всяком случае, главными силами. А если оставить там засаду, то достаточно вертолетной пары, чтобы всех в порошок стереть.

– Слушай, Александр Макарович, – Полудолин прихлопнул по карте ладонью, – ты весь район так знаешь?

– Странный вопрос, комиссар. Я ведь себя профессионалом считаю. Мне «духам» по мелочам подставляться неприлично. – Комбат собрал бумаги, отложил на край стола: – Ладно, хватит. Пора ужинать.

Он встал, прошел к тумбочке, на которой стояли чайник и миски с макаронами. Их принес недавно дежурный и прикрыл газетой.

– Давай, Валентин Фирсыч, питаться.

– Успеется, – сказал Полудолин. – Сейчас в ротах был. Кстати, хотел Уханову врезать, но отложил. Решил прежде с тобой посоветоваться.

– Мудро решил, комиссар. Что у вас там вышло?

– Зашел разговор о рейде. Слово за слово, и я посоветовал кое-что. А он огрызнулся: «Нет, так не получится».

– И ты обиделся? – спросил Бурлак, не скрывая иронии.

– Что значит «обиделся»? Порядок подчиненности пока никто не отменял.

– Садись, – сказал Бурлак и подвинул замполиту алюми-

ниевую миску. – Давай ужинать. Заодно поговорим. Наливай чай, пусть остывает.

Бурлак хорошо понимал, что Полудолин ждет ответа, но решил не спешить. Сейчас, когда задетое начальственное самолюбие саднит, как свежий порез, замполит примет только то, что будет отвечать его представлениям о справедливости. Поэтому лучше подождать, когда эмоции поостынут.

Полудолин послушно, без видимой охоты, налил в кружку чаю, бросил туда два кусочка сахара, стал лениво помешивать ложечкой. Потом подвинул к себе миску. Начал жевать без особого аппетита.

– Что молчишь, комбат? Я ведь серьезно спросил.

– Значит, так ставишь вопрос? Тогда обращу внимание на твои собственные слова. Ты сказал: я ему посоветовал. А с каких пор советы принимаются в порядке подчиненности? Твои приказы должны выполняться. Это однозначно. Но советы? Не знаю. Например, ты мне приказать не можешь. Верно? Тем не менее твой разумный совет я всегда приму. Так то был совет или приказ?

– Совет.

– Тогда снимай вопрос. И еще вот что. Прошу запомнить, комиссар: наше благополучие держится на хороших командирах рот. Хорошие – это в первую очередь самостоятельные. Там, в Союзе, где воевать не приходится, кое-кто предпочитает удобных подчиненных. Таких, чтобы и на советы отвечали с готовностью: «Есть!» Почему-то телячье повино-

вение некоторым больно уж нравится. Здесь с такими пропадешь. Какой фронт у нас будет в рейде? Ты интересовался?

Полудолин пожал плечами.

– Вот видишь. А он протянется километров на двадцать. Для батальона. Удаленность роты от роты в среднем восемь-десять километров. И трудные условия радиосвязи. Ты слыхал, как Санин назвал Кадыра? Волк. Против такого телков посылать нельзя. Они и сами пропадут, и других погубят. Теперь подумай, можно ли сделать так, чтобы в разговоре с тобой или со мной Уханов не проявлял собственного мнения, а при встрече с Кадыром оно у него вдруг бы возникло? Откуда? От сырости? Да, если не секрет, какой совет ты ему давал?

– Совет пустяковый. Обращались ко мне братья Юркины…

– Знаю, – сказал Бурлак и стал сосредоточенно вытирать кусочком хлеба тарелку. – Они ко всем обращаются. Можешь не продолжать. По Юркиным я решение принимал.

– Выходит, если вы с ротным совершили несправедливость, то нельзя об этом и разговор начинать? – Голос Полудолина звучал язвительно. Он с силой отодвинул миску, так что зазвенела вилка, брошенная в нее.

– Слушай, Фирсыч, ты прокурорские нотки-то поубавь. – Бурлак не пытался скрыть неудовольствие. – Если что-то не ясно, поясню. А судить, что в моих действиях справедливо, что нет, тебе не по чину.

– Ладно, хочешь, чтобы я свои недоумения не высказывал, буду молчать. – В голосе Полудолина теперь звучала откровенная обида. – Но тогда возникнут другие конфликты. Учти, мое мнение не изменится от того, нравится оно тебе или нет. Его в политотделе узнают.

– Угрожаешь? Или ждешь извинения? – спросил Бурлак и встал из-за стола. – Не будет. Сам виноват. Кто тебя учил выносить приговоры, не выяснив обстоятельств?

– Хорошо, разъясни обстоятельства. В чем твоя правота?

Полудолин тоже поднялся. Теперь они стояли рядом. Высокие, жилистые, подогретые перепалкой, словно борцы у ковра, готовые вступить в схватку.

– С этого и надо было начинать.

Бурлак сбавил тон и стал говорить спокойно, неторопливо:

– Юркины – близнецы. Сережа и Коля. Ребята хорошие. Прибыли к нам месяца три назад. Попросились в один взвод, в одно отделение. Я отказал.

– Почему? Когда их посылали сюда, обещали, что будут служить рядом.

– Я подобных обещаний не давал. Мне, пожалуйста, такую вину не вменяй. А дураков-обещалкиных на свете немало.

– Выходит, раз я за то, чтобы братья служили рядом, значит, и меня к категории дураков относишь?

– Нет, ты просто несмыслящий. Честный, но петухом в зад не клюнутый.

– Ну, комбат, возвел ты меня в ранг достойных! Спасибо от всей души.

– Не за что, комиссар.

– Все же поясни, почему братьям не положено служить рядом?

– Положено им все. Я даже понимаю, как красиво это выглядит внешне. Представь заметку в газете: «Братья-патриоты». У нас ведь если пишут о братьях, то непременно именуют их патриотами. По отдельности каждый солдат – просто солдат, а вот если два родных в строю – тут уж иная оценка. Но ты пойми, своих патриотов мы взяли у одной матери. Обоих сразу. В один день и час. Близнецам, как известно, скидок при призыве не дают. И вот они оба попали к нам. А здесь война. Теперь подумай, могу я их обоих в одну боевую машину? Обоих в один огонь – рядом. Чтобы потом матери два квитка сразу: нет, мол, у вас больше, милая мамаша, сыновей-патриотов. И подпись.

– Всё! Убедил. Можешь не продолжать, – сдался Полудолин. – Ты прав, комбат. На сто двадцать процентов прав. Хочешь, перед тобой кепку сниму? Одно плохо – я ребятам обещал помочь. Как теперь быть?

– А так и будь, – жестко сказал Бурлак. – В другой раз не обещай, чего не можешь сделать. Это во-первых. А во-вторых – скажи мужикам правду: я, мол, за вас, да вот комбат отказывает. Ясно я излагаю обстановку?

– Ясно, только одного в толк не возьму… Почему ты ре-

бятам не сказал правды сам? Как мне. Вот, дескать, друзья, так и так…

– Не сказал я, не скажешь и ты. – Голос Бурлака зазвучал сухо. – Нельзя ребят тревожить даже намеком на трусость. Ты им изложи мое мнение, они дружно заявят: «Мы не боимся». Они и в самом деле не боятся. Вдвоем они еще смелее будут. Только мина не станет учитывать, что в одной машине сразу два смелых одной крови. Это за них боюсь я. Ты хочешь посвятить солдат в страхи комбата? Не рекомендую.

– Вопросов нет. Только не пойму, почему Уханов не доложил, что это твое решение?

– Должно быть, из-за порядочности. Это ведь погано, когда за чужую спину прячутся. И потом, Уханов в этом деле сам первая скрипка. Мне, например, совета у него спросить тогда не хватило мудрости.

– Как это?

– А так. Пришло пополнение. Сразу ко мне являются Юркины. Вот, мол, злой ротный развел их по разным взводам. Я, правда, не обещал ничего. Сказал только – разберусь. Тогда Уханов и изложил мне все, что тебе известно.

Полудолин собрал миски, поставил их на тумбочку, прикрыл газетой. Сам сел на раскладушку, стоявшую у стены. Достал сигареты.

– Можно?

Комбат кивнул разрешающе.

– Кури. И держись во всем ровнее. К тебе люди сильно

приглядываются.

– Ну и что?

– Как – что? Хочешь, честно?

– Давай.

– Так вот, ты пока не наш. Лично я не сомневаюсь в твоей смелости, в честности. Это все у тебя должно быть. Но понять, что сейчас главное, а что так себе – суета сует, которая через час отлетит как ненужность, – ты еще не в состоянии. Пойми, Фирсыч, это совсем не обидно, что я говорю. Просто такова жизнь. Есть ведь различие между космонавтами, которые прошли всю подготовку, но не летали, и теми, кто уже летал. Дело в небольшом, но отбросить разницу нельзя. Одних разделяет полет. Других – бой. Один бой. Ты подожди немного. У тебя все сейчас на ходу. Есть замполиты в ротах. Они своего не упустят. Если ты им сейчас не будешь надоедать, они это поймут правильно. Они, Фирсыч, дело знают. И им, поверь, твоя сдержанность сегодня важнее, чем что-либо другое.

– Может, я в чем-то допустил ошибку? Откуда такие упреки?

– Не упрекаю – прошу. Подожди спокойно два дня. А ошибки ты допускаешь.

– Например?

– Вот представил план. В нем вроде бы все ладно. На последний день операции – митинг личного состава…

– Это что – плохо?

– Почему? Хорошо. Но есть детали. Ты уже сегодня будто бы знаешь, кто будет выступать, пофамильно. Я не суеверен, комиссар, но если именно этих фамилий мы недосчитаемся? Взял-то ты самых ударных ребят. Которые так и лезут в пекло. А в огне бывает всякое…

– Тут, верно, не учел. Но это мелочь.

– Вся жизнь из мелочей состоит. Я это окончательно здесь понял. Пошли в рейд. Сунулись в глухое ущелье. Гляжу и вдруг начинаю понимать: это ведь те же горы, те же тропы, по которым шел Александр Македонский. Века легли на камни, а они ведь все те же. Где-то в космосе летают спутники. Где-то изучают лунную пыль. А здесь все прежнее. Все такое же дикое, как пять или десять тысяч лет назад. И победу надо брать во многом по-старинному. Не навалом огня. Не бронеударом. Чистой тактикой. Солдатской выучкой. Смелостью. Превосходством силы и духа. Выучкой и волей.

– Красиво формулируешь, комбат, – сказал Полудолин с улыбкой.

– Зря иронизируешь. Это не этюд на военную тему. Это мнение твоего командира. И твоя работа будет направлена на то, чтобы солдаты соответствовали моим представлениям.

– Строго! Так уж и должны соответствовать?

– Так и должны. Но сейчас я с тебя этого потребовать не могу. Зеленый ты еще, потому не все поймешь.

– Что так? Туп? – Полудолин не сумел скрыть обиду.

– Нет, Фирсыч. Каков арбуз, можно узнать, лишь попро-

бовав его. Не хочу обижать тебя, но на здешней бахче ты еще не побывал.

– Побываю, – заметил мрачно Полудолин. Намеки на то, что он не прошел огонь, его больно задевали. Он всей службой, всей своей жизнью был подготовлен к бою и потому мало верил, что, выйдя из него, изменит в чем-то свои взгляды или позицию.

– Вот тогда и потолкуем, – спокойно продолжал Бурлак. – А пока приглядывайся.

– У меня, Александр Макарович, впечатление, вроде ты меня отлучить от дела хочешь. Чтобы победой не делиться в конечном счете. А она нужна не только тебе. Нужна всем.

– Ну, давай, давай! Ты мне еще эту дурацкую песню спой: «…Нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим».

– Чем плохая песня?

– Тем и плохая, что хорошей кажется. Кто-то нахватается слов и будет исповедовать мысль, что за победу не стоит жалеть цены. А цена – это люди. Пора трезвее смотреть на прошлое. И уроки извлекать из него надо.

– Разве не извлекли?

– Ты не извлек.

– Почему так решил?

– По отношению к песне. Вот возьми, ради интереса, размножь ее слова и пошли родителям наших солдат. Только припиши: эта славная песенка стала девизом нашего бата-

льона. Для победы мы за ценой стоять не станем, ну и так далее. Они тебе выскажут свое отношение, я не позавидую.

– Война всегда остается опасной, – сказал Полудолин упрямо.

– Извини, не согласен. Но давай кое о чем договоримся. С твоим предшественником мне на эти темы беседовать не приходилось. Он сам дошел до всего в процессе крещения огоньком. Ты – человек свежий, поэтому разъяснить свою точку зрения считаю необходимым. Она моя личная. Но я здесь командир. Значит, точка зрения обязательная.

– Слушаю.

– Так вот, комиссар. Батальон для меня – это не квадратик со стрелочкой, что рисуют на штабных схемах. Для меня это солдаты – Повидло, Кулматов, Паршин, Усманов. Это офицеры – Щурков, Уханов, Мостовой, ты, наконец. Свои люди. Наши. У каждого отец, мать, у кого-то жена, дети есть. Я их всех знаю. Не могу не знать и забывать не имею права. Не тот масштаб, если хочешь, чтобы фамилии из памяти вылетали. Я ведь не великий полководец всех времен и народов. Поэтому не отвлекаюсь от того, что люди есть, что они реальны и должны продолжать оставаться такими. С головой, руками, ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.